

В Е С Ь Р О Л Л И Н С

Р Д Ж Е Й М С Р О Л Л И Н С

АЛТАРЬ ЭДЕМА

Весь Роллинс

Джеймс Роллинс

Алтарь Эдема

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Роллинс Д.

Алтарь Эдема / Д. Роллинс — «Эксмо», 2009 — (Весь Роллинс)

ISBN 978-5-699-80076-6

После жесточайшего урагана пограничная служба обнаружила в дельте Миссисипи потерпевший крушение траулер. Но странное дело, на судне нет ни одного человека команды, зато в трюме пограничники находят удивительный груз – попугая в клетке, умеющего вычислять число «пи», детеныша саблезубого ягуара, питона, обладающего конечностями, и множество других невероятных животных, словно бы явившихся в наше время из каких-то доисторических эпох. Для того чтобы разобраться с находкой, на судно приглашают ученого специалиста из Нового Орлеана. Лорна Полк еще не приступила к исследованиям, как на траулере и вокруг него начинают происходить странные и страшные события...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-80076-6

© Роллинс Д., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	8
Акт первый	12
Глава 1	12
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	43
Глава 11	47
Глава 12	50
Глава 13	54
Глава 14	58
Глава 15	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Джеймс Роллинс

Алтарь Эдема

*Моей сестре Лори.
Мы все тебя любим*

*И Вавилон будет грудой развалин, жилищем шакалов, ужасом и
посмеянием, без жителей.
Иер. 51:37*

*И что за чудище, дождавшись часа,
Ползет, чтоб вновь родиться
в Вифлееме?¹*

У. Б. Йейтс

*Изучение природы в конце концов делает человека таким же
безжалостным, как и сама природа.
Г. Дж. Уэллс*

James Rollins
Altar of Eden

* * *

© 2010 by James Czajkowski

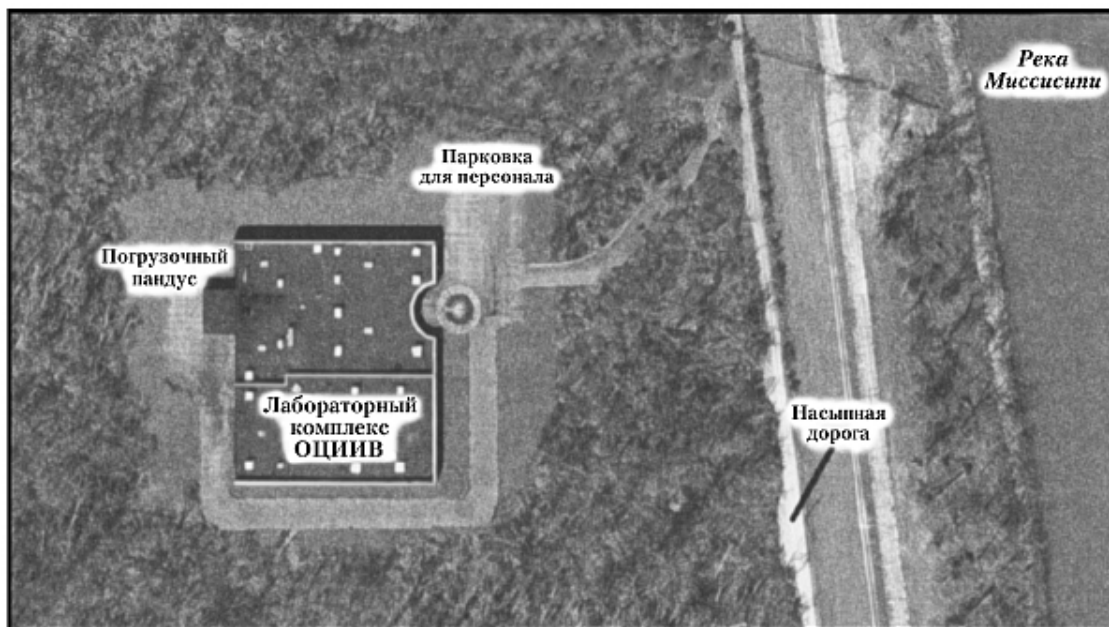
© Филонов А. В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

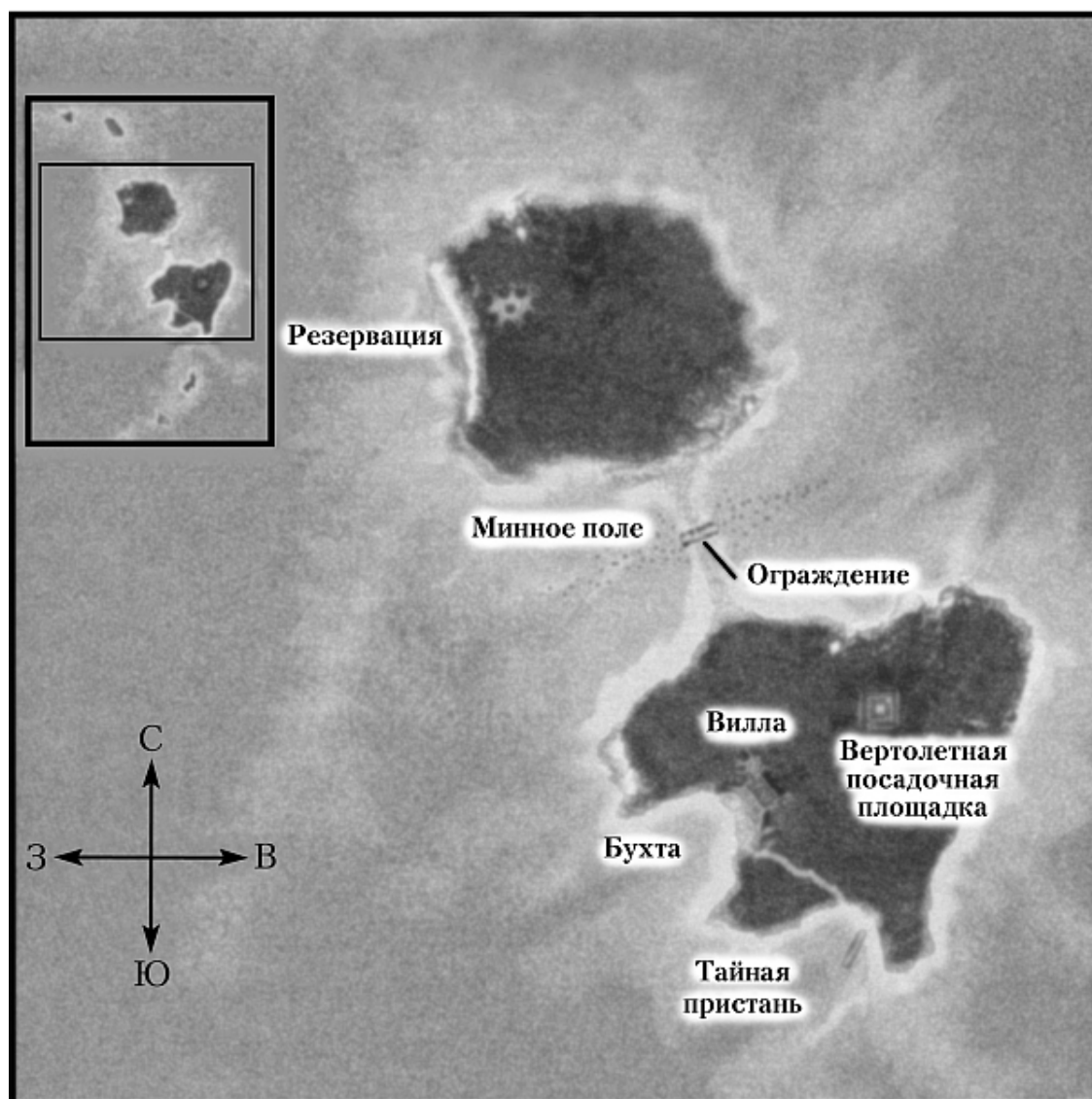
¹ Пер. Г. Кружкова. – Здесь и далее прим. перев.

* * *

ОЦИИВ (Одюбоновский центр по изучению исчезающих видов)

Лост-Иден-Ки

Пролог

Апрель 2003 года

Багдад, Ирак

Двое мальчишек стояли перед львиной клеткой.

– Я не хочу туда идти, – сказал младший, прижимаясь к старшему брату и крепко держа его за руку.

Оба зябко кутались в просторные, не по росту, куртки, замотав лица до глаз платками и натянув на головы шерстяные шапочки. В этот ранний предрассветный час холод пробирал до костей. Надо пошевеливаться, чтобы разогнать кровь.

– Бари, да клетка пустая. Хватит быть таким *шакхифом*². Смотри. – Макин – старший из братьев – распахнул черную железную дверцу пошире, показав, что внутри лишь голые бетонные стены. В темном углу высилась кучка старых обглоданных костей. Из них получится отличный суп.

Макин окинул руины зоопарка взглядом. Он помнил, как это место выглядело раньше. Полгода назад, на его двенадцатый день рождения, они пришли на пикник в парк развлечений Аль-Завраа, чтобы покататься на аттракционах и посетить зоопарк. Целый теплый день семья гуляла между клетками с обезьянами, попугаями, верблюдами, волками и медведями. Макин даже скормил одному верблюду яблоко и до сих пор помнил прикосновение теплых и тугих, как резина, губ к ладони.

Стоя здесь теперь, он смотрел на тот же парк взглядом человека, повзрослевшего с тех пор куда более чем на полгода. Парк обратился в руины, унылую выжженную пустыню, где обугленные стены взорванных зданий окружали лишь мусор да вонючие лужи воды вперемешку с машинным маслом.

Месяц назад Макин наблюдал из своей квартиры неподалеку от парка, как в роскошном парке запылала перестрелка между американскими войсками и Республиканской гвардией. Яростный бой начался в сумерках. Стрекот автоматных очередей и вой ракет не утихали всю ночь.

К утру следующего дня все стихло. Густой дым висел в воздухе весь день, застилая солнце. С балкона квартирки Макин видел, как лев вприпрыжку выбежал из парка в город. Призрачной тенью скользнул по улице и скрылся. Некоторые другие животные тоже разбежались, но в следующие пару дней в парке так и кишели орды людей.

Отец назвал их мародерами, сплюнув на пол и обложив их в более крепких выражениях.

Они взламывали клетки, воровали животных – одних для еды, других для продажи на черном рынке за рекой. Отец Макина ушел с несколькими другими мужчинами, чтобы помочь защитить их район города от бесчинствующих банд. И больше не вернулся. Ни он, ни другие.

С тех пор бремя заботы о пропитании семьи обрушилось на плечи Макина. Мать прикована к постели в горячечном жару, не в себе от ужаса и горя. А Макин только и мог дать ей что несколько глотков воды.

Вот если бы сделать ей хорошего супу, дать съесть чего-нибудь посущественнее...

² Глупыш (араб.).

Он снова посмотрел на кости в клетке. Каждое утро они с братом час перед рассветом проводили в разбомбленном парке, обыскивая его и зверинец в надежде раздобыть чего-нибудь съестного. У Макина за плечами висела котомка из джутового мешка. Но в ней пока лежал лишь заплесневелый апельсин да горсть поклеванных семечек, сметенных с пола в птичьей вольтере. Малыш Бари нашел еще помятую жестянку фасоли в мусорной бачке. От его находки у Макина на глаза навернулись слезы. Сейчас это сокровище было запрятано у брата за пазухой под толстым свитером.

Вчера какой-то мальчишка постарше с длинным ножиком отобрал у Макина мешок, и пришлось возвращаться с пустыми руками. В этот день у них не было во рту ни крошки.

Но сегодня они поедят на славу. Даже мать, *иншалла*³, мысленно вознес он молитву.

Войдя в клетку, Макин потащил Бари за собой. Вдали слышались короткие автоматные очереди, будто укоризненные хлопки ладоней, пытающиеся предостеречь их.

Макин и без того был настороже, зная, что надо поторопиться. Не стоит оставаться на улице, когда солнце взойдет. Тогда станет слишком опасно. Он поспешил к куче костей, сбросил котомку и начал швырять туда обглоданные голяшки и сломанные кости. Покончив с этим, затащил горловину мешка и встал. Но не успел сделать и шагу, как поблизости чей-то голос по-арабски воскликнул:

– *Йалла!*⁴ Сюда! В эту сторону!

Пригнувшись, Макин потянул Бари за собой. Они спрятались за стенкой из шлакоблоков высотой по колено, огораживающей львиную клетку. Обеими руками Макин прижал брата к себе, напоминая, чтобы помалкивал, пока перед клеткой промелькнули две крупные тени.

Рискнув выглянуть одним глазком, Макин увидел двоих мужчин. Один высокий, в полевой форме цвета хаки. А второй – коренастый, с круглым брюшком, в темном костюме.

– Вход скрывает клиника зоопарка, – сообщил толстяк, проходя мимо клетки. Он пыхтел и отдувался, изо всех сил стараясь поспевать за широко шагавшим человеком в армейской хабэшке. – Остается лишь уповать, что мы не опоздали.

Заметив пистолет в кобуре на поясе у длинного, Макин понял, что стоит попасться ему на глаза, и конец. Бари, тоже ощутивший опасность, дрожал в его объятиях мелкой дрожью.

К несчастью, ушли мужчины недалеко – клиника оказалась прямо напротив убежища мальчишек. На покореженную парадную дверь толстяк даже не посмотрел. Ее давным-давно взломали с помощью фомок, после чего вычистили клинику, забрав наркотики и медикаменты.

Вместо того он тяжеловесно подступил к ровной стене между двумя колоннами. Макин не разглядел, что он сделал, сунув руку куда-то за колонну, но через мгновение участок стены распахнулся. Потайная дверь.

Макин вжался в прутья клетки. Отец читал им сказки об Али-Бабе, о тайных пещерах и несметных сокровищах, скрытых в пустыне. А они с братом нашли в зоопарке лишь кости да фасоль. В желудке у Макина заурчало, когда он вообразил пир, достойный князя воров, ожидающий там внизу.

– Оставайтесь здесь, – с этими словами толстяк вошел в дверь и направился вниз по темной лестнице.

Военный встал у двери на страже, положив ладонь на пистолет. Взгляд его обратился к укрытию мальчишек. Макин поспешно пригнулся, затаив дыхание. Сердце так и колотилось о ребра.

Неужели заметил?

Послышались шаги, приближающиеся к клетке. Макин изо всех сил прижал брата к себе. Но мгновение спустя услышал, как чиркнула спичка, и потянуло сигаретным дымком. Муж-

³ Зд.: если Бог даст (*араб.*).

⁴ Йалла (*араб.*) – в зависимости от контекста означает «ладно», «давай».

чина принялся расхаживать перед клеткой, будто за решеткой находился именно он, вышагивая туда-сюда, как изнывающий от скуки тигр.

Бари так и трясся в руках Макина, крепко сжимавшего пальцы братишки. Что, если военный забредет в клетку и обнаружит их там?

Казалось, целую вечность спустя знакомый голос пропыхтел от дверей:

– Они у меня!

Бросив сигарету на цемент и растерев ее подошвой перед самой дверцей клетки, военный направился навстречу спутнику.

Толстяк никак не мог отдышаться. Должно быть, несясь наверх бегом всю дорогу.

– Инкубаторы были на автономе, – отдуваясь, выложил он. – Не знаю, сколько генераторы продержались после того, как электричество отрубилось.

Макин рискнул выглянуть сквозь прутья дверцы. У толстяка в руке был большой металлический дипломат.

– Они в целости? – спросил военный. Он тоже говорил по-арабски, но не с иракским акцентом.

Толстяк опустился на колено, пристроив чемоданчик на толстой ляжке, и открыл замок. Макин ожидал увидеть золото и бриллианты, но вместо них в кейсе оказались всего-навсего белые яйца, уложенные в ячейки из черного поролона. С виду они ничуть не отличались от куриных, которые мать раньше покупала на рынке.

Несмотря на испытываемый ужас, при виде яиц у Макина слюнки потекли.

Толстяк пересчитал их, внимательно осматривая каждое.

– Все в целости и сохранности, – он испустил длинный kloкочущий вздох облегчения. – Даст бог, эмбрионы в них еще жизнеспособны.

– А остальная лаборатория?

Закрыв кейс, толстяк встал.

– Предоставляю вашей команде сжечь все, что осталось внизу. Никто не должен даже заподозрить, что мы открыли. Не должно остаться ни следа.

– Мне приказ известен.

Как только толстяк встал, военный поднял пистолет и выстрелил ему в лицо. Раздался оглушительный грохот, и затылок его спутника взорвался, разлетевшись осколками черепа и брызгами крови. Постояв еще секунду, покойник мягко рухнул.

Макин зажал рот ладонью, чтобы не издать ни звука.

– Ни следа, – повторил убийца, поднимая кейс с земли. Тронул рацию на плече, перейдя на английский. – Давайте сюда грузовики и снарядите зажигательные бомбы. Пора сматываться из этой песочницы, пока местные не объявились.

Макин с пятого на десятое усвоил язык американцев. Хотя он и разобрал не все слова, зато общий смысл уяснил вполне.

Прибудут еще люди. Еще оружие.

Макин лихорадочно пытался найти какой-нибудь путь к бегству, но львиная клетка оказалась для них ловушкой. Наверное, младший братишка тоже почувствовал растущую опасность. После выстрела Бари затрясло еще хуже. Наконец малыш больше не мог сдерживать трепет, и из его худенькой груди вырвался тихий всхлип.

Макин стиснул брата, молясь, чтобы военный не услышал всхлипывания.

Шаги снова приблизились. Над ними прозвучал резкий выкрик по-арабски:

– Кто там? Покажись! *Та'ааль хнаа!*⁵

Макин прижал губы к уху брата.

– Оставайся здесь. Не высовывайся.

⁵ Иди сюда! (араб.)

Потом затолкал Бари в самый угол и встал, подняв руки и сделав шаг назад.

– Я просто искал еду! – заикаясь, торопливо пролепетал он.

Пистолет все так же был нацелен на него.

– Давай-ка сюда, *валад*!⁶

Макин подчинился. Подошел к дверце клетки и выскользнул наружу, держа руки поднятыми.

– Прошу, *ахи*. *Лаа терми*!⁷ – Он попытался перейти на английский, чтобы показать, что он не враг. – Не стрелять. Я не видеть... Я не знать...

Он мучительно подыскивал какой-нибудь аргумент, какие-нибудь слова, которые спасли бы его. На лице военного читалась смесь скорби и сожаления.

Он поднял пистолет выше со вполне очевидным безжалостным намерением.

Макин ощутил, как горячие слезы заструились по щекам.

Сквозь пелену слез он различил движение теней. Позади военного дверь от толчка изнутри со скрипом приоткрылась шире, и крупный темный силуэт, выскользнув оттуда, беззвучно устремился к мужчине сзади, низко пригибаясь и держась в тени, будто из страха перед светом. Макин лишь мельком разглядел маслянисто поблескивающую, мускулистую, поджарую и безволосую фигуру с глазами, пылающими яростью. Рассудок мальчика пытался постичь увиденное, но не сумел.

Вопль ужаса вызрел у него в груди.

Хотя страшилище не произвело ни звука, должно быть, военный ощутил укол тревоги. Обернулся в тот самый миг, когда чудище с пронзительным криком прыгнуло. Загрохотали выстрелы, но их заглушил свирепый вой, от которого у Макина прямо волосы встали дыбом.

Развернувшись, мальчик ринулся обратно в клетку.

– Бари! – Схватил братишку за руку и потащил прочь из клетки, подталкивая перед собой. – *Йалла!* Беги!

Чуть в стороне бились на земле человек и зверь. Слышались все новые выстрелы.

Сзади донесся топот тяжелых ботинок по дорожкам. С другой стороны парка бежали люди, слышались крики, перемежавшиеся с автоматной пальбой.

Не обращая внимания ни на что, Макин в безоглядном ужасе бежал через разбомбленный парк, даже не думая, что его может кто-нибудь увидеть. Он бежал и бежал, преследуемый воплями, которые будут терзать его в кошмарах всю жизнь.

Он не понимал, что произошло, но одно знал наверняка. Ему запомнились алчные глаза демона, сиявшие умом и коварством, горевшие бездымным пламенем.

Макин знал, кого видел. Тварь, называемую в Коране *Шайтаном* – родившуюся из Божьего пламени и проклятую за то, что не поклонилась Адаму.

Макин знал правду.

В конце концов дьявол пришел в Багдад.

⁶ Паренек (*араб.*).

⁷ Ахи (*араб.*) – брат. Лаа терми (*араб.*) – по-видимому, автор подразумевал «Не стреляй», хотя значение «терми» ближе к русскому «убрать».

Акт первый

Первая кровь

Глава 1

23 мая, 07 часов 32 минуты

Новый Орлеан

«Бронко», пробиравшийся через обломки, оставленные ураганом, подскочил на очередной рытвине. Лорна едва не врезалась головой в крышу кабины. На мокрой дороге машину занесло. Стремясь восстановить управление, женщина отпустила педаль акселератора.

Стихия сорвала листву с деревьев, наполнила ручьи выше берегов и даже забросила в чей-то плавательный бассейн аллигатора. К счастью, эпицентр ярости угасающего урагана пришелся куда западнее. Но судя по ливню, который мать-природа обрушила сюда, она все-таки вознамерилась вернуть Орлеанскую территорию к первозданному состоянию болота.

Гоня машину по дороге вдоль реки, Лорна только и думала что о телефонном звонке, поступившем минут двадцать назад. ОЦИИВ остался без электричества. Аварийные генераторы не заработали, и сотня исследовательских проектов оказалась под угрозой.

Она обогнула последнюю излучину Миссисипи, и впереди замаячил исследовательский комплекс. Одюбоновский центр изучения исчезающих видов⁸ занимает более тысячи акров ниже Нового Орлеана по течению. Хотя ОЦИИВ и имеет отношение к городскому зоопарку, для публики он закрыт. Его территория, прячущаяся в лиственном лесу, включает и несколько вольер под открытым небом, но главной частью комплекса является здание площадью тридцать шесть тысяч квадратных футов, где разместились полдюжины лабораторий и ветеринарная лечебница.

Именно в последней доктор Лорна Полк и работала после завершения последипломной резидентуры по специальности «Ветеринария диких животных, обитающих в зоопарках и природной среде». Она заведовала *замороженным* зоопарком центра – двенадцатью резервуарами с жидким азотом, хранящими сперму, яйцеклетки и эмбрионы сотен видов, пребывающих на грани вымирания, – горных горилл, суматранских тигров, газелей Томсона, колобусов, черных буйволов.

Пост чрезвычайно серьезный, особенно для человека, едва-едва переступившего порог двадцати восьми лет и закончившего резидентуру. Вверенный ей замороженный генетический банк сулит надежду вернуть исчезающие виды к существованию с помощью искусственного оплодотворения, трансплантации эмбрионов и клонирования. И все же, несмотря на бремя ответственности, она любит свою работу и знает, что отлично с ней справляется.

Когда Лорна уже гнала машину по длинной подъездной дороге к главному зданию, сотовый телефон в подставке для чашек вдруг засигналил. Схватив его, она поднесла аппарат к уху, ведя машину одной рукой.

⁸ Реально существующая организация, названная так в честь американского натуралиста Джона Джеймса Одюбона. В его же честь названо и Национальное Одюбоновское общество – первая природоохранная организация в мире. Также пару слов об институте можно отыскать в авторском послесловии.

Звонивший, по-видимому, услышал, что трубку сняли, и быстро затараторил:

– Доктор Полк. Это Джеральд Грейнджер из техслужбы. Я подумал, вам надо знать. Мы запустили генераторы и запитали обесточенную линию.

Лорна бросила взгляд на часы внедорожника. Электричества не было почти сорок пять минут. И, проделав мысленный подсчет, испустила вздох облегчения.

– Спасибо, Джеральд. Буду через минуту-другую.

Она захлопнула телефон, подъехав к стоянке для сотрудников, припарковала машину и положила голову на баранку. Нахлынувшее облегчение было настолько ощутимым, что она едва не расплакалась. Но все же сдержала слезы. Посидев минутку, чтобы привести мысли в порядок, выпрямилась, поглядела на руки, лежащие на коленях, и внезапно осознала, во что одета. Она выскочила из дома в помятых джинсах, старой серой водолазке и ботинках. Не совсем в духе профессионального имиджа, который она обычно поддерживает.

Повернувшись, чтобы выбраться из «Бронко», Лорна заметила собственное отражение в зеркале заднего вида.

О господи...

Свои белокурые волосы, обычно аккуратно заплетенные в косички, она утром собрала в небрежный конский хвостик. Несколько отбившихся прядей лишь усугубили и без того затрапезный вид. Даже очки в черной оправе сидят на переносице наперекосяк. Сейчас она отчасти смахивает на пьяную студентку, вернувшуюся с гулянки в честь Марди Гра⁹.

Ну что ж, гулять так гулять, по полной программе. Выдернув заколку, удерживающую пучок волос, Лорна тряхнула головой, чтобы волосы рассыпались по плечам, выбралась из машины и зашагала к главному входу.

Прежде чем ей удалось достичь дверей комплекса, внимание ее отвлек новый шум – тяжелое ритмичное уханье. Обернувшись к Миссисипи, она увидела белый вертолет, летящий над самыми макушками деревьев в ее направлении, и довольно быстро.

Только-только Лорна озадаченно нахмурилась, как сзади ей на плечо легла ладонь. Она испуганно вздрогнула, но пальцы успокоительно сжались. Искоса оглянувшись, Лорна увидела своего босса и наставника – доктора Карлтона Метойера, возглавляющего ОЦИИВ. За шумом вертолета она попросту не услышала его приближающихся шагов.

Доктор Метойер – высокий, худощавый чернокожий мужчина с густой копной седых волос и аккуратной седой бородкой, старше ее лет на тридцать. Его семья прожила в этом районе ничуть не меньше, чем семья Лорны, корнями уходя в креольскую колонию на реке Кейн, где диковинным образом переплелось культурное наследие Франции и Африки.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, доктор Метойер поглядел в небо и заметил:

– У нас компания.

Вертолет, несомненно направлявшийся к ОЦИИВ, свернул к соседнему полю и пошел на снижение. Лорна обратила внимание, что это маленький вертолет «А-Стар», оборудованный вместо обычных посадочных полозьев поплавками. А заодно узнала диагональную зеленую полосу на белом корпусе аппарата. После «Катрины» этот опознавательный знак прекрасно знаком большинству жителей Нового Орлеана – один из вертолетов пограничников; без флотилии подобных стрекоз провести спасательные работы и обеспечить безопасность после подобной катастрофы попросту невозможно.

– Что они тут делают? – спросила Лорна.

– Прибыли за вами, дорогая моя. Карета подана.

⁹ *Марди Гра*, или Жирный вторник, предшествует Пепельной среде и Великому посту у католиков. В этот день в Новом Орлеане по традиции устраивают карнавал, предаваясь чревоугодию и пьянству.

Глава 2

Вертолет взмыл в воздух, и желудок у Лорны скрутило – не столько от ускорения, сколько от чистой паники. Сидя рядом с пилотом, она уцепилась за подлокотники. Сквозь массивные наушники пробивался нарастающий рев винтов. Ощущение такое, будто поднимаешься в лифте. Вот только привязанном к ракете.

Она никогда не была в восторге от высоты, ненавидела путешествия по воздуху вообще, а уж полет на летающей газонокосилке считала верхом безумия. В вертолете Лорна летала лишь раз, во время преддипломной практики в Южной Африке, проводя перепись африканских слонов на территориях, прилегающих к заказнику. Тогда она подготовилась к полету, приняв перед ним пару таблеток ксанакса. И все равно еще долгие часы спустя была жидка в коленках.

А сегодня все произошло без предупреждения.

Доктор Метойер лишь вкратце посвятил ее в детали, когда вертолет приземлился. Даже не дал времени зайти и осмотреть подведомственные резервуары с жидким азотом. Штат уже этим занимается, заверил он, добавив, что сам за всем присмотрит и сообщит ей подробности по радио.

Радио...

Значит, ее везут за границы зоны покрытия какой бы то ни было сотовой связи.

Лорна рискнула выглянуть из бокового окна. Вертолет заложил вираж, открыв ей вид на Миссисипи с высоты птичьего полета. Машина направляется вниз по реке, следуя примерно вдоль русла Биг-Мадди, после урагана с лихвой оправдывающей свое название, означающее «большая грязнуля». Бурля и пенясь, река несла свои воды, шоколадно-коричневые от поднятого ила, к Мексиканскому заливу.

Их путь лежит к дельте реки, где весь этот аллювий – ил, глина, песок и почва – выпадает в осадок в заливе, образуя свыше трех миллионов акров прибрежных топей и солончаковых болот. Этот регион не только играет важную роль в экологии, став прибежищем обширной и сложной экосистемы, отсчитывающей свою историю еще с юрского периода, но и представляет коммерческую ценность. Он снабжает Соединенные Штаты изрядной долей морепродуктов и почти 20 процентами нефти.

А заодно это слабое звено государственной границы. Лабиринт островков, петляющих проливов и рыболовных угодий превращает дельту в решето, сквозь которое просачиваются контрабандисты и наркокурьеры всех мастей. Министерство внутренней безопасности присвоило этому региону статус высокой угрозы и усилило новоорлеанское отделение пограничной службы.

По словам босса Лорны, пограничная служба прочесывала район после неистовства стихий вчера ночью. У контрабандистов в обычае работать под прикрытием ненастья, чтобы доставить наркотики, оружие, а то и человеческий груз. Сегодня рано утром пограничники обнаружили траулер, севший на мель у одного из внешних островков. Обследовав судно, они обратились в ОЦИИВ.

Изрядная часть последовавшего разговора оказалась загадкой даже для доктора Метойера. Его не уведомили ни о причине вызова, ни почему в эту поездку пригласили именно Лорну.

Несмотря на всеохватный трепет перед полетами, в душе Лорны нашлось местечко и для разгорающегося гнева. У нее собственные проекты в ОЦИИВ под ударом, так с какой же стати она летит к черту на кулички? Гнев, подпитываемый тревогой, мало-помалу нарастал. Что происходит? Почему затребовали именно ее? Она не знает в погранично-таможенной службе никогошеньки.

Ответы ее ждут лишь в конце полета.

Радио в ее наушниках затрещало. Пилот в зеленой форме с шевронами, говорящими о его принадлежности к подразделению охраны воздушных и морских границ пограничной службы, указал в сторону горизонта. Он представился, но имени Лорна не расслышала.

– Доктор Полк, садимся через пару минут.

Кивнув, она уставилась вперед. Плотная изумрудная растительность плавней впереди расступилась, сменившись россыпью мелких островков и полуостровов. Дальше в заливе темная линия у горизонта отмечала ряд более крупных барьерных островов, помогающих защитить хрупкие болота и плавни от моря.

Но туда они не долетят.

Лорна углядела глянцеви́тый белый катер, стоящий на якоре у одного из островков. *Наконец-то*. Когда вертолет начал снижаться к нему, она увидела старый рыболовецкий траулер, врезавшийся в берег. Он завяз достаточно плотно, чтобы сбить несколько деревьев и до половины выехать на остров. Очевидно, его выбросило туда штормовым нагоном.

Вертолет стремительно опускался. Лорна ухвати́лась за подлокотники еще крепче. Она где-то читала, что большинство воздушных катастроф происходит при взлете и посадке, но предпочла бы не вспоминать подобную статистику именно сейчас.

В паре ярдов от воды их снижение замедлилось. Поток воздуха от винтов разгладил воду, а затем поплавки вертушки мягко коснулись ее, будто ноги гусыни, опускающейся на гладь пруда. Несколько щелчков тумблеров – и вой турбин начал затихать.

– Посидите, пожалуйста, – сказал пилот. – За вами выслали «зодиак».

Он кивнул в сторону окна, чем привлек внимание Лорны к надувной резиновой лодчонке, отвалившей от острова и устремившейся к ним. Не прошло и минуты, как пограничник в такой же зеленой форме помог ей выбраться из вертолета в «зодиак».

Она опустила́сь на банку надувной лодки, испытывая облегчение, но все еще чувствуя резь в желудке. Когда «зодиак» устремился к берегу, Лорна приставила ладонь козырьком ко лбу, пытаясь высмотреть причину столь загадочного и внезапного вызова.

Поднявшееся солнце разогнало облака, открыв голубизну небес и согрев воздух. День сулил превратиться в луизианскую парную, и Лорну это вполне устраивало. Она сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, обоняя тошнотворный смрад гниющей зелени, мокрого мха и илистой соленой воды.

Для нее эти запахи были родными.

Ее род живет в Луизиане с девятнадцатого столетия. Его история отпечаталась в памяти Лорны четче, чем морщины на ладонях, как заведено у всех старожилов Нового Орлеана. Она помнит имена и биографии предков так, словно они умерли только вчера.

Во время войны 1812 года¹⁰ ее прапрадед – тогда еще семнадцатилетний юноша – дезертировал из британской армии во время битвы за Новый Орлеан и обосновался в новом расцветающем пограничном городе. Здесь он познакомился с дочерью семейства де Трепанье, женился на ней и быстро сколотил скромное состояние выращиванием сахарного тростника и индиго на стоакровой плантации, полученной в приданое. С годами состояние все разрасталось, и род Полков был одним из первых, выстроивших особняк в осененной дубами долине Гарден-Дистрикта Нового Орлеана. Продав плантацию, семейство осело в этом районе окончательно. Много поколений подряд особняк Полков пользовался почетом и славился как место встреч генералов, юристов и бесчисленных деятелей науки и литературы.

Особняк в итальянском стиле стоит по сей день, но, как и весь город, в XX веке род Полков начал мало-помалу приходить в упадок. Родовую фамилию сохранили лишь Лорна да ее брат. Отец умер от рака легких, когда Лорна была еще ребенком; мать скончалась год назад, оставив детям особняк, отчаянно нуждающийся в ремонте, и уйму долгов.

¹⁰ Речь идет об англо-американской войне.

Но традиционное почтение к образованию в семье сохранилось. Лорна подалась в медицину и науку, а брат, годом ее моложе, стал инженером-нефтяником на государственной службе. Пока что брат и сестра, еще не успевшие обзавестись семьями, обитают вдвоем в родовом поместье.

Шорох резины по мокрому песку вернул ее к настоящему.

Островок – один из множества образующих цепочку, тянущуюся к самому заболоченному побережью, – порос кипарисами, спутанными испанским бородатым мхом в единую массу, напрочь перекрывшую путь от пляжа в глубь острова.

Но ее путь лежал вовсе не туда.

– Сюда, – сообщил рулевой «зодиака», протягивая руку, чтобы помочь ей вылезти из лодки. Проигнорировав ее, Лорна выбралась на берег самостоятельно. – НОО ждет вас.

– Какой еще Ноо?

– Начальник оперативного отдела.

Хоть Лорна и не разбиралась в иерархической структуре пограничной службы, но по должности заключила, что этот субъект командует расследованием. Может быть, как раз он и вызывал ее из ОЦИИВ. Желая наконец услышать ответы на донимающие ее вопросы, Лорна направилась вслед за рулевым к сидящему на мели траулеру. С самого рождения живя у реки, в судах она разбираться научилась. Траулер оказался не из крупных – всего сорок футов от носа до кормы. Краны по штирборту при столкновении переломало, но бакборт косо целил в небо стрелами, к которым по-прежнему были привязаны сети для промысла креветок.

Горстка людей – все в полевой пограничной форме – собралась на берегу у борта траулера. У одних головы покрывали рыжевато-коричневые стетсоновские шляпы, у других – зеленые бейсболки. Не ускользнуло от внимания Лорны и ручное оружие в кобурах. А у одного пограничника на плече висел ремингтоновский дробовик.

Да что ж тут творится?

При ее приближении все замолкли. Несколько пар глаз смерили ее взглядами с головы до пят, не выразив особого восхищения. Лорна старалась сохранять на лице подобие сурового выражения, но чувствовала, что щеки зарделись от негодования, и с трудом удержалась от того, чтобы показать им средний палец.

Прямо сборище сексуально озабоченных юнцов какое-то.

Агенты расступились, давая дорогу высокому мужчине, одетому в такие же, как у них, темно-зеленые брюки и рубашку под цвет с длинными рукавами, небрежно закатанными до локтей. Пятерней прочесав свои черные волосы, слипшиеся от пота, он снова натянул черную бейсболку. Но лишь после того, как тоже смерил ее взглядом серо-голубых глаз с головы до пят. В его взгляде, в отличие от остальных, она не ощутила ни намека на вожделение, только желание оценить ее.

И все же обрадовалась, когда козырек фуражки накрыл эти глаза тенью.

Мужчина двинулся ей навстречу. Заметно выше шести футов ростом, широкоплечий и мускулистый, но вовсе не массивный. Держится с уверенностью человека, умеющего командовать, но не испытывающего нужды подавлять. От него прямо-таки исходит решительность с оттенком свирепости.

Подойдя, он протянул широкую ладонь.

– Доктор Полк, спасибо, что приехали.

Обмениваясь с ним рукопожатием, Лорна обратила внимание на длинный шрам вдоль предплечья, от локтя до запястья. Подняв взгляд, встретилась с ним глазами. Кожа, загорелая до оливкового цвета, кажется еще темнее от черной щетины на подбородке. Слух Лорны сразу же уловил в его речи легкий каджунский¹¹ акцент. Значит, он из местных. Правду говоря, было

¹¹ Каджунский диалект французского языка распространен среди франкоязычного населения Луизианы. Следует отме-

в нем что-то мучительно знакомое – и тут до Лорны дошло, когда она уже собиралась спросить, с какой стати ее сюда притащили.

А вместо того выпалила совсем другой вопрос:

– Джек?

Сурово поджав губы – полные, но определенно мужественные, – он едва заметно кивнул. Внезапная перемена восприятия сказалась и на сложившемся у нее образе. Гнев улетучился, сменившись неуютной прохладцей. Минуло уже десять лет с тех пор, как Лорна видела его в последний раз. Она тогда только-только перешла в старшие классы, он же был уже без пяти минут выпускником.

Хоть она тогда его толком и не знала, ведь два года в старших классах – непреодолимая социальная пропасть, их двоих связывали темные узы, которые ей хотелось оставить в прошлом навсегда.

Судя по выражению, мрачной тучей набежавшему на лицо Джека, ему, наверное, хотелось того же. Как бы там ни было, сейчас не время беречь старые раны.

– Доктор Полк, – натянуто выговорил он. Гортанный акцент проступил отчетливее. – Я вызвал вас сюда, потому что... потому что не знал, кто еще располагает квалификацией, необходимой, чтобы помочь разобраться с тем, что мы обнаружили.

Лорна распрямила спину, тоже перестроившись на профессиональный лад. Может, оно и к лучшему. Сглотнув, она устремила взгляд на траулер, радуясь поводу отвести глаза.

– И что же вы нашли?

– Вам лучше увидеть это собственными глазами.

Повернувшись, он первым направился к траулеру. С палубы свисала веревочная лестница. Джек легко вскарабкался по ней первым. Лорна же до сих пор чувствовала, как онемели ноги и спина. Как только Джек скрылся за планширом, один из членов его команды придержал нижний конец лестницы, облегчив Лорне восхождение.

Наверху Джек подал ей руку, втянув на палубу. У двери, ведущей в трюм, на часах стояли еще два пограничника. Один из них вручил ему фонарик.

– Сэр, мы наладили в трюме переноску, но там все едино чертовски темно.

Включив фонарик, Джек взмахом руки пригласил Лорну следовать за собой.

– Поосторожней на треклятой лестнице.

Луч его фонаря упал на темный мазок сбоку от лестницы – будто здесь что-то тащили в трюм волоком.

Внезапно Лорне расхотелось туда спускаться.

– Трупов мы не нашли, – сообщил Джек, словно ощутив ее тревогу. А может, просто посвящая в обстоятельства дела.

Лорна двинулась за ним по лестнице и дальше, в тесный коридор.

– Их держали в клетках в главном трюме.

Она не потрудилась спрашивать, кого именно держали в клетках, уже учуяв знакомое мускусное зловоние затхлой конуры. До слуха донеслось шарканье лап, шорохи тел, хнычущее мяуканье, резкий крик птицы.

Лорна начала понимать, почему ее вызвали. Контрабанда экзотических животных – бизнес с многомиллиардным оборотом, уступающий лишь наркотикам и оружию. И, к сожалению, Соединенные Штаты – одна из ведущих стран – потребителей подобного контрабандного товара, рыночная доля которой составляет тридцать процентов.

Как раз на прошлой неделе Лорна читала о захвате крупной подпольной сети, занимавшейся контрабандой редких видов пантер. В данном случае супружеская чета из Миссури ввозила крупных кошек не для забавы, а для *расчленения*. Нелегально импортируя пантер, их

попросту резали, как скот. Шкуры леопардов, тигров и львов могут потянуть на двадцать тысяч долларов каждая. Но и это еще не все. Будто какая-то макабрическая мясная лавка, они распродавали все части тел подряд: тигриные пенисы перемалывали на афродизиаки, а кости – на снадобья от артрита. В ход шло абсолютно все: желчные пузыри, печень, почки, даже зубы. В конечном итоге такие большие кошки мертвыми стоили куда дороже, чем живыми.

Следуя за Джеком в главный трюм, Лорна чувствовала, как в груди закипает гнев.

Лампа на высоком штативе освещала помещение с низким потолком. Клетки из нержавеющей стали выстроились по обе стороны длинного трюма; более крупные позади оставались во мраке. Лорна только рот разинула от изумления перед размахом деятельности контрабандистов, теперь точно зная, почему здесь понадобилась она как ветеринар, специализирующийся на экзотических животных.

Повернувшись, Джек посветил фонариком в ближайшую клетку.

Заглянув внутрь, Лорна поняла, что крайне заблуждалась в своих предположениях.

Глава 3

Джек Менар внимательно наблюдал за реакцией женщины.

Испытанные шок и ужас заставили глаза Лорны широко распахнуться. Она зажала рот ладонью. Но лишь на миг. После первоначального удивления в ее взгляде появился проблеск озабоченности. Глаза ее снова сузились, губы поджались в задумчивости. Лорна подошла ближе к клетке.

Встав рядом, Джек деликатно кашлянул.

– Что это за обезьяны?

– *Cebus apella*, – ответила Лорна. – Бурые капуцины, родом из Южной Америки.

Джек поглядел на пару животных, сидящих в тесной клетке посреди собственных испражнений, испуганно прижавшись друг к другу у дальней стенки. Обезьянки с темно-шоколадными конечностями и спинами, желто-коричневыми мордочками и грудками и головами, увенчанными черным мехом, были так малы, что каждая уместилась бы на ладони.

– Это детеныши? – поинтересовался Джек.

– Вряд ли, – покачала головой Лорна. – Судя по окраске меха, взрослые. Но ты прав. Они чересчур малы. Карликовый подвид.

Однако Джек понимал, что это не самое шокирующее отклонение от нормы. Лорна тихим воркованием подманила парочку к прутьям. Ее профессиональная холодность будто растаяла, черты лица смягчились, и по ним разлилось умиротворение. Парочка обезьянок отреагировала на ее зов. Не размыкая объятий, крепко прижимаясь друг к другу, они поползли вперед. Вообще-то они и не могли разделиться.

– Сиамские близнецы, – констатировала Лорна.

Бедра обезьянок слились воедино в буквальном смысле – у них было три ноги и четыре руки на двоих.

– Бедняжки, – шепнула она. – Похоже, изголодались.

Они подобрались к решетке, явно нуждаясь не только в пропитании, но и утешении. Глазищи у них были огромные, особенно для таких крохотных мордочек. Джек чуть ли не физически ощутил их голод и страх, а еще капельку надежды. Сунув руку в карман, он выудил зерновой батончик. Вскрыв его зубами, отломил кусочек и вручил Лорне.

Она аккуратно сунула лакомство сквозь прутья. Одна из обезьянок взяла угощение крохотными пальчиками, и парочка тут же удалилась с добычей, держа ее между собой и обгрызая с обеих сторон. Но притом ни на миг не сводя глаз с Лорны.

Она оглянулась на Джека. На миг он вдруг увидел девчонку, которую помнил со школьных дней, прежде чем пошел в морскую пехоту. Она встречалась с его младшим братом Томом в течение учебного года – и потом на летних каникулах. Он тут же отогнал это воспоминание.

Должно быть, Лорна ощутила страдания, переполнившие его душу. Лицо ее окаменело, профессиональный настрой вернулся.

– Показывай, – кивком указала она на другие клетки.

Джек повел ее вдоль шеренг клеток, светя фонариком в их сумрачные недра. Во всех находились разные животные – некоторые обычные, некоторые экзотические. Но, как и обезьянки, все они демонстрировали какие-нибудь уродливые аномалии. Оба остановились перед застекленным террариумом с пятнадцатифутовым бирманским питоном, свернувшимся вокруг кладки яиц. Змея выглядела вполне нормальной, пока не свернулась более тугими кольцами, явив взгляду две пары поджатых рудиментарных когтистых ног, покрытых чешуей, будто напоминающих о ее эволюционном происхождении от ящериц.

– Похоже на серьезный случай атавизма, – заметила Лорна.

– А как это будет по-английски?

Она подарила Джеку извиняющуюся улыбку.

– Атавизм – генетическая особенность, утраченная в ходе эволюции, но вновь проявившаяся у индивидуальной особи.

– Генетический регресс?

– Именно. В данном случае – особь отброшена во времена, когда змеи еще не утратили конечностей.

– Невероятно дальний *бросок*, а?

Пожав плечами, Лорна продолжала:

– Большинство атавизмов вызывается случайной рекомбинацией генов. Но здесь, по моему, речь идет не о случайности – слишком уж много случаев.

– Значит, ты говоришь, кто-то вывел их такими намеренно. А возможно ли такое вообще?

– Не могу этого исключить. Генетика прошла длинный путь и продолжает раздвигать границы. В ОЦИИВ мы успешно клонировали диких кошек. Даже подсадили им флуоресцентный белок медуз, получив кошку, светящуюся в темноте.

– Мистер Зеленый Ген¹². Я читал об этом, – отозвался Джек. – На самом деле это одна из причин, по которой я тебя вызвал. Мне нужен был эксперт по генетике и селекции. Специалист, способный подсказать, кто мог состряпать этот диковинный зверинец. – И он повел Лорну через трюм.

В проволочной клетке обнаружилась целая стая летучих мышей ростом с футбольный мяч.

– Летучие мыши-вампиры, – прокомментировала Лорна. – Но они раз в десять больше, чем должны. Возможно, форма первобытного гигантизма.

Дальше вдоль ряда лиса ростом с медвежонок с шипением и рычанием бросалась на решетку, так что они поспешно прошли дальше, ненадолго задержавшись у высокой клетки с попугаем нормального размера, но напрочь лишенным перьев. Громко каркнув, он скакнул к передним прутьям и принялся разглядывать людей, дергая головой вперед-назад. Джек не без труда скрыл отвращение перед его чуждым и *превратным* обликом.

Лорна же лишь подошла поближе.

– Когда птенцы попугаев только-только вылупляются, они либо совсем голые, либо покрыты пушком. Не знаю, то ли этот застрял в младенческом возрасте, то ли тоже отброшен в развитии. Вообще говоря, теоретически птицы – ближайшие живущие родственники динозавров.

Оспаривать это Джек не стал. Кожистая тварь с клювом и вправду выглядела доисторической. Но что на самом деле выводило его из себя, так это ее пристальное внимание.

Птица запрыгнула обратно на свой насест, тараторя белиберду на искаженном испанском. Эта способность попугая – способность к звукоподражанию – не пострадала. Он принялся верещать вереницу чисел по-английски, демонстрируя совершенно человеческое произношение и дикцию, разве что более пронзительный голос.

– ...три один четыре один пять девять два шесть пять...

Они снова двинулись вперед, а затем Лорна вдруг застыла в полушаге. И снова уставилась на клетку, где птица продолжала верещать числа. Все вела и вела свое без остановки.

– В чем дело? – спросил Джек.

– Этот попугай... эти первые цифры... я не уверена...

– В чем?

– Три-один-четыре-один-пять. Это первые пять цифр математической константы пи.

¹² Реальный факт. Этот кот действительно светится в ультрафиолетовом свете. Дальнейшие ссылки на исследования в области генетики по большей части также опираются на реальные факты.

Джек помнил школьный курс геометрии достаточно хорошо, чтобы знать, что такое π , обозначаемое греческой буквой π . Он мысленно представил число.

3,1415...

Попугай продолжал свою нумерологическую тираду, а в голосе Лорны зазвучало благоговейное изумление.

– π рассчитали с точностью до триллионов знаков. Я бы с радостью выяснила, правильна ли последовательность цифр, которую выдает птица. И если да, то какова длина последовательности, затверженной попугаем.

И пока птица тараторила без остановок, Джек вдруг заметил, что в трюме воцаряется безмолвие. Мяуканье, рычание, даже шорохи других животных затихли, словно и они тоже прислушивались. Глаза, отражающие свет, будто бы уставились из темных клеток на людей.

Тряхнув головой, он двинулся дальше. Ему надо расследовать преступление.

– То, что я хотел тебе показать на самом деле, находится вот здесь.

Он подвел Лорну к большим клеткам в конце трюма. В одной из них находился новорожденный ягненок с матерью. Но покрывающая их шерсть была не курчавой, а ниспадала до пола, совсем как у яков. Впрочем, показать Джек хотел вовсе не это.

Он попытался поторопить ее вперед, но Лорна задержалась у следующей клетки. Обитатель той в позе окоченения лежал на покрытом сеном полу, вытянув ноги и уставив невидящий, мертвый взор широко распахнутых глаз в пространство. Видом он смахивал на пони, только не крупнее кокер-спаниеля.

– Погляди на его копыта, – сказала Лорна. – Они разделены. По четыре пальца спереди, по три сзади. Древнейший предок современной лошади – хиракотерий – был размером с лису и имел такое же устройство конечностей.

Она присела на корточки, чтобы осмотреть труп. Копытце одного пальца было сорвано. На голове виднелись следы недавнего удара, словно животное перед смертью запаниковало и врезалось в прутья.

– Похоже, что-то напугало его до смерти, – высказала предположение Лорна.

– Я догадываюсь, что это могло быть, – Джек направился в самую глубь трюма. – Сюда. Лорна последовала за ним.

– Что эти люди вытворяли? – В голосе ее прорезалось раздражение вкупе с намеком на сдерживаемый гнев. – И раз уж на то пошло, *как они это делали?*

– А я-то надеялся, что это ты можешь на это ответить. Но у нас есть более крупная и неотложная проблема. – Они добрались до последней клетки – большой и забранной мощными прутьями. Пол покрыт сеном, но никаких животных не видно. – Спустившись сюда, мы обнаружили, что дверь погнута и взломана.

– Кто-то сбежал? – Лорна перевела взгляд с пустой клетки на коридор и лестницу, явно припомнив кровавый след.

– Нам надо, чтобы ты сказала, кто это был, – сообщил Джек.

– Каким образом? – сдвинула она брови.

Он указал на нечто, шевельнувшееся под сеном. Послышался слабый скулеж.

Лорна посмотрела на спутника горящими от любознательности глазами. Потянув за дверь, он распахнул ее, пропуская Лорну внутрь.

– Будь осторожна.

Глава 4

Пригнувшись, Лорна прошла через низкий проем в клетку. Потолок оказался достаточно высоким, чтобы она могла выпрямиться во весь рост. И все же продолжала слегка пригибаться. Почти все сено было кучей сдвинуто к задней стенке. Лорна окинула пространство критическим взором. Ноздри уловили сильный аммиачный запах старой мочи. Лорна осторожно обогнула слизистую кучку экскрементов, рыхлую и водянистую.

Существо, находившееся здесь, болело.

Куча сена в глубине шевельнулась, будто кто-то хотел забиться от нее подальше, но уперся в угол, отрезавший путь к дальнейшему отступлению. Скулеж прекратился.

Подойдя, Лорна опустилась на колени и осторожно приподняла сено. И увидела снежно-белый мех со светло-серыми пятнышками. Напуганная фигурка, сжавшись в комочек, куталась в длинный хвост, прижав маленькие кошачьи ушки к голове.

– Детеныш леопарда или ягуара, – шепнула Лорна.

– Но он белый, – заметил Джек, стоя у двери. – Будто какой-то альбинос.

Лорна заглянула в прищуренные голубые глаза.

– Нет. Цвет глаз нормальный. Скорее всего, разновидность наследственного лейкизма. Когда утрачивается только пигментация кожных покровов. Как бы там ни было, это определенно какой-то вид пантер.

– Мне казалось, ты сказала, что это леопард или ягуар.

Вполне понятное недоумение. Весьма распространенная ошибка.

– Вообще-то пантера – не таксономический термин. Род *Panthera* охватывает всех крупных кошачьих – тигров, львов, леопардов, ягуаров. Белая пантера может быть разновидностью любой из этих кошек.

– И к какому же виду относится этот детеныш?

– Судя по строению черепа и нюансам окраски, я бы сказала, ягуар. Но не уверена.

Лорна понимала, что Джеку требуется побольше сведений. Должно быть, он заподозрил то, что было ясно ей с первого же взгляда, и хотел получить подтверждение.

Крохотные глаза из гнезда в сене, пока плохо фокусирующиеся, вглядывались в нее с прищуром. Похоже, прорезались совсем недавно, а значит, детенышу недели две, а то и меньше. Дополнительные ювенильные черты – короткие округлые уши, недоразвитые усы – подтверждают предположение, что это новорожденный. Но вот его размеры просто-таки выбили ее, Лорну, из колеи. Наверное, весит фунтов пятнадцать-двадцать – достаточно крупный для детеныша семи-восьми недель от роду.

Должно быть, даже Джек разглядел это несоответствие и догадался, что оно сулит.

– А возраст кошки?

– Неделя-две, – Лорна оглянулась на него. – Экстраполируя, можно оценить вес взрослой особи в четыреста-пятьсот фунтов, ближе к размерам уссурийского тигра. Типичный ягуар весит вдвое меньше.

– Очередной генетический пережиток?

– Для полной уверенности мне надо сделать кое-какие анализы, но сперва необходимо более внимательно осмотреть детеныша, – вздохнула она.

И бережно подняла детеныша из гнезда. Он зажмурился и запищал, но слабо. Лорна ощупала кости, защитнула кожу, на ощупь заключив, что зверек обезвожен. Сдержав гнев по поводу столь скверного обращения с животными, она прижала сосунка к животу, стараясь утешить. Судя по виду гениталий, это определенно самец.

Она крепко держала его, давая панике выдохнуться.

– Тсс, мой маленький, все хорошо.

Держа его голову одной рукой, она мягко, ритмично поглаживала пальцем у звереныша под подбородком. Через минуту тот уже прижался к ней и заскулил от голода. Лорна дала ему пососать палец.

Определенно новорожденный.

Пока детеныш пытался высосать что-нибудь из пальца, Лорна нащупала у него во рту то, чему там не место. В таком возрасте у котят зубов нет, только десны, чтобы жамкать сосцы. Но кончик ее пальца нащупал целых четыре – маленьких и неразвитых, но острых и уже выступающих, причем верхние длиннее нижних.

А их в этом возрасте быть не должно вовсе.

Раннее появление зубов наводит на вывод, что это эволюционная особенность. Она предвосхищает проявление неких наследственных черт, играющих важную роль. И едва эта мысль дошла до сознания, как Лорна ощутила, что волосы зашевелились от ужаса. Оглянувшись на остальные клетки, задержав взгляд на мертвом пони.

Неудивительно, что оно померло с перепугу.

Лорна обернулась к Джеку, держа звереныша на руках.

– У нас есть проблема побольше.

– И что же это?

Сейчас она экстраполировала зубную формулу детеныша, как прежде, опираясь на его вес, оценила размеры взрослого. Она понимала, что преждевременное появление этих молочных клыков служит предзнаменованием. Представила, как клыки пропорционально растут, как верхние загибаются, выходя за пределы нижней челюсти.

– Этот детеныш не просто ягуар-переросток, – предупредила Лорна.

– Как это?

Встав с детенышем на руках, она пригнулась, чтобы выбраться из клетки и присоединиться к Джеку.

– Это детеныш саблезубого тигра.

Глава 5

Вернувшись к сиянию утреннего солнца, Джек и Лорна Полк стояли на палубе траулера. Если она права, надо искать могучую кошку, бледную, как призрак, и, возможно, с клыками длиной от десяти до двенадцати дюймов. Лорна уже перешла к разъяснению, что подобными клыками щеголяли не только пресловутые саблезубые тигры. По ее словам, этим генетическим признаком отличались многие доисторические кошачьи и даже некоторые сумчатые.

Но саблезубый ягуар?

Такое казалось невозможным. И все же в догадке Лорны Джек не усомнился. Она наговорила с три короба об атавизмах и генной инженерии, приведя массу аргументов. Да вдобавок Джек собственными глазами видел прочих животных-уродцев в клетках под палубой.

Он поглядел поверх планшера на берег, представляющий собой плотную массу пойменных лесов, плавней и болот, покрывающих миллионы акров в дельте Миссисипи.

Его родина.

Он вырос в стране байю¹³, где семья и клан значат куда больше, нежели любая буква закона. Его собственные родные зарабатывают ловлей креветок и рыбы... и рядом менее законных способов. Ему известно, как легко скрываться среди болот, как трудно выследить того, кто не хочет попадаться на глаза.

Лорна подошла к нему, ведя переговоры по рации с Федеральной службой по рыбным и животным ресурсам.

– Высылают судно, – сообщила она. – Доставят транспортные клетки и транквилизаторы. А еще я переговорила с доктором Метойером в ОЦИИВ. Там готовят карантинную лабораторию для животных.

Он кивнул. Принято решение в качестве операционной базы использовать территорию ОЦИИВ, отрезанную от внешнего мира. Один из людей Джека нашел в запертой капитанской каюте стальной сундук с ноутбуком и цифровыми лентами. Из Нового Орлеана уже направляется компьютерный эксперт-криминалист, чтобы начать разбираться с контентом. Хочется надеяться, там не только капитанская коллекция порнухи.

Но прежде чем покинуть траулер окончательно, Джек хотел получить от нее кое-какие ответы... особенно о наиболее непосредственной угрозе.

– Ты не знаешь, куда эта самка ягуара могла направиться? Она, случаем, не утонула во время шторма?

– Сомневаюсь. Крупные кошки не испытывают отвращения перед водой, а ягуары – довольно сильные пловцы. И кроме того, здесь довольно мелко. Она могла запросто переплыть от острова к острову, по пути делая передышки.

– По-твоему, она направилась прямо к берегу?

– Как правило, охотничья территория ягуаров покрывает до сотни квадратных миль. Эти островки слишком мелкие. Она бы не стала на них задерживаться.

– А как же детеныш? – Джек кивком указал на котенка у Лорны в руках. – Неужели мать покинула бы его вот так запросто?

– Маловероятно. Ягуары очень заботливо относятся к своей молодежи. Выкармливают до полугода, а воспитывают до двухлетнего возраста. Но притом они практичны. Этот детеныш болезненный и чахлый. Как правило, в помете ягуара два-три детеныша. Подозреваю, что вместе с этим был еще один. Более сильного из двоих мать взяла с собой, бросив слабого, чтобы выжить.

– Значит, у нее с собой детеныш. Это может замедлить ее продвижение.

¹³ *Байю* (байу, баю) – заиленные и заболоченные территории в дельте Миссисипи.

– Это также делает ее более опасной. Она будет агрессивно защищать свое дитя, – Лорна озабоченно наморщила лоб, указав на кровавый след на лестнице. – Что поднимает следующий вопрос. Где трупы? Где команда судна?

– Не здесь и не на острове, – ответил Джек. – Мы искали. По следам крови мы заключили, что команда состояла из четырех человек. Может, трупы смыло за борт.

– А может, их утащили за борт.

– Утащили? Эта пантера?

– Судя по крови на лестнице, труп не просто смыло. Пантера должна была вытащить его снизу.

– Но зачем?

– Хороший вопрос. Кошки часто прячут свою добычу про запас, даже подвешивают на деревьях, но когда такой возможности нет, просто оставляют их гнить, а сами отправляются дальше. – Лорна сдвинула брови. – А такое поведение... нетипично. Если я права, она демонстрирует невероятное хитроумие, словно пыталась замести следы.

Лорна встретила с ним глазами, и Джек увидел в ее взгляде тревогу.

– Может, ты преувеличиваешь, – предположил он. – Вчера ночью ветер дул чуть ли не с силой тропического шторма. Может, пантеру и трупы унесло в Залив приливными течениями.

– Есть только один способ выяснить.

– Какой?

Выбравшись из «зодиака», Лорна побрела по мелководью к песчаному берегу соседнего острова. Ботинки она оставила на лодке, закатав брюки до колен.

Джек шагал рядом, бдительно оглядывая песчаный бугор и путаницу деревьев впереди. Он тоже шел босиком, но повесил ботинки со связанными шнурками через плечо на случай, если придется лезть в густые заросли, венчающие островок. А еще на другом плече у него висел штормовой карабин «М4». Если пантера пережила шторм, она скорее всего уже добралась до берега, но испытывать судьбу все равно не следует.

По предложению Лорны Джек отвел «зодиак» от траулера к ближайшему соседнему островку.

– По пути к материку пантера первым делом добралась бы сюда, – настаивала Лорна, выбираясь на берег. – Нужно высматривать любые метины.

– Какие еще метины?

– Отпечатки лап. Надо смотреть выше линии прилива. А еще высматривать помет, мочу, следы когтей на деревьях.

– Я умею тропить, – отозвался Джек. – А что, если пантера проплыла мимо этого острова?

– Тогда поищем на следующем. Далеко уплыть без отдыха она не могла. Схватка и побег отняли у нее много сил. Адреналин рано или поздно перестает действовать. Ей требовалось местечко, чтобы перевести дыхание.

Они принялись накручивать круги по острову, держась вдоль края полосы прилива на песке. Молча осмотрели пляж. Дневная жара сгустилась, навалившись на плечи тяжким бременем. От ночной грозы сохранилось лишь несколько облачков. Пот ручьем сбегал по спине, скапливаясь лужицей на поясе.

– Туда! – внезапно окликнула Лорна.

Она поспешила прочь от воды, направляясь по песку к тому месту, где большой кипарис бросал на пляж густую тень. Испанский мох, укутывающий его одеялом, кое-где был сорван, словно сквозь заросли пробирался некто крупный.

– Осторожно! – предостерег Джек, хватая ее за руку. Отодвинул женщину за спину и вскинул винтовку. – Дай сначала я проверю.

И крадучись двинулся к дереву. Потыкал стволом в прореху во мху, осмотрел укрытие под низко нависшими ветвями, потом ветки наверху. Вроде все чисто.

Лорна, не послушавшаяся его приказа держаться сзади, проговорила ему через плечо:

– Посмотри на песок у ствола.

Грунт там был взрыхлен бурей, но на песке глубоко отпечатались единственный отчетливый след лапы. Они вместе двинулись в тень. Джек продолжал бдительно высматривать любой намек на движение вокруг. В таком состоянии повышенной боеготовности он очень остро ощущал плечо Лорны у своего бока, запах ее волос, ее кожи.

– Здоровенная зверюга, – заметила Лорна, опускаясь на корточки. – Судя по размеру лапы, я могла недооценить ее вес.

Она приложила ладонь к следу. Лапа оказалась вдвое больше.

– Значит, выжила, – заключил Джек.

– И направилась на берег.

Встав, он стиснул карабин.

– Даже после шторма в дельте будет не протолкнуться от рыболовов, туристов и отдыхающих. Надо провести эвакуацию. И созвать охотничий отряд, пока еще светло.

Лорна тоже встала.

– Найти пантеру днем будет трудновато. Она нашла какое-нибудь убежище и отсыпается. У вас больше шансов в сумерках, когда ягуары обычно выходят на охоту.

– Все равно, чтобы сколотить команду, как раз столько времени и уйдет, – кивнул он. – Следопыты, охотники, люди, знающие прибрежную местность дельты. Я подключу свою СГР.

Лорна вопросительно поглядела на него.

– Спецгруппу реагирования, – Джек головой указал на белый патрульный катер, стоящий на якоре возле острова. – Вроде как спецназ погранслужбы.

– Иначе говоря, пограничники-коммандос?

– Это отличные люди, – сказал он чуточку оправдывающимся тоном, лишь задним числом осознав, что она просто слегка поддразнивала его, и в замешательстве отвернулся.

На воде уже поднялась суматоха. Судно службы по рыбным и животным ресурсам – катамаран на подводных крыльях – прибыло и бросило якорь неподалеку от берега. Смотрители и пограничники усердно переправляли на него груз из трюма траулера.

– Давай вернемся туда, – предложила Лорна.

Джек расслышал в ее голосе нетерпение, явное желание проследить за разгрузкой лично. Детеныша ягуара она оставила на его катере, устроив в пустом ящике для наживки.

Оба уже брели к «зодиaku», когда рыболовный траулер вдруг взорвался.

Глава 6

Стоя по колено в воде, Лорна в ужасе смотрела, как корпус траулера вспух, в дыму и пламени разлетаясь на куски. Деревянные грузовые стрелы взмыли в небо, таща за собой горящие сети. Обломки градом посыпались на остров и на воду.

Вместе с телами.

Лорна зажала рот ладонью.

Сколько человек было на борту траулера?

Горящие доски и обломки осыпали оба стоящих на якоре патрульных судна. Крики и вопли эхом разносились над водой. Дым клубами валил высоко в голубые небеса.

Сграбастав Лорну за руку, Джек потащил ее к «зодиаку».

Забравшись в надувную лодочку, они оттолкнули ее от берега. Джек рванул за стартер подвесного мотора, и секунду спустя они уже неслись по воде. Он поднес рацию к уху, и Лорна внимательно прислушивалась к его репликам.

Джек еще пребывал в замешательстве, но в голосе его уже зазвучали командирские интонации.

– Вызови «вертушку» обратно! Дай знать аварийным службам, что у нас раненые.

Прямо по курсу на берегу дымился остов траулера. Остальные два судна прочесывали окрестные воды среди плавающих обломков и горящих луж дизельного топлива на поверхности воды. Уцелевшие доставали из воды тела погибших.

Открыв дроссель до упора, Джек погнал «зодиак» к острову.

– Джек! Вон там! – указала Лорна на фигуру, поднимающуюся из прибой, – один из пограничников вскарабкался на ноги, поддерживая одну руку другой. Из раны на голове по его лицу сбегала кровь. Он выглядел ошарашенным после контузии.

Джек отреагировал мгновенно, повернув «зодиак» в его сторону. Поспешив к нему, они подобрали раненого, оказавшегося тем пограничником, который недавно передал Джеку фонарь. Рука у него была сломана – явно сложный открытый перелом, судя по виду белой кости, проткнувшей рукав.

Лорна прижала ком ветоши к его лбу, чтобы остановить кровотечение.

– Где Томпкинс? – спросил тот, устремив на нее помутившийся взор. – Он... он был на верхней палубе.

Они принялись прочесывать воду. Раненый пограничник попытался было встать в «зодиак» на ноги, но Джек рывкнул, чтобы тот сел.

Лорна заметила, что Джек в последний раз с прищуром взгляделся в сторону пляжа и отвел глаза. Лишь тогда она углядела тело, простертое на опушке. От его обугленной одежды шел дым, а по песку расползлось темное пятно. Погибшему оторвало руку и снесло полчерепа.

Оборачиваясь, Джек встретился с ней глазами, и по их выражению она все поняла.

Томпкинс.

Лорна ощутила, как глаза наполняются слезами – не от горя, а от бессмысленности всего этого.

– Что же случилось? – шепнула она себе под нос.

Но Джек, уже заглушивший мотор, позволив «зодиаку» скользить к патрульному катеру по инерции, должно быть, все-таки расслышал ее. Поплавки ударились в борт, остановив движение.

– Аварийный концевик, – загадочно ответил он, пока спустившиеся с палубы пограничники помогали поднять раненого на борт.

У румпеля «зодиака» Джека сменил другой, чтобы продолжить поиски уцелевших. Джек же требовался наверху, чтобы принять командование. Лорна вслед за ним полезла вверх по лесенке.

Верхнюю палубу превратили в приемный покой. Не пострадавшие ухаживали за ранеными, из которых некоторые сидели, а некоторые лежали навзничь. Лорна заметила, что одно тело накрыто брезентом целиком.

Не дожидаясь указаний, Лорна направилась к стоящей на палубе аварийной аптечке и приступила к оказанию первой помощи, переходя от пациента к пациенту и пустив в ход все свое медицинское искусство. Вскоре после того прилетел спасательный вертолет береговой охраны и воздушная «Скорая помощь», приступившие к погрузке тяжелораненых.

Понемногу расходилась весть о потерях.

Трое погибших.

Число ужасное, но могло быть и хуже.

Катер пограничной охраны начал свое путешествие вверх по Миссисипи, катамаран службы по рыбным и животным ресурсам за ним. Новоприбывший катер береговой охраны остался на месте для охраны района, чтобы никого не подпускать до прибытия экспертов-криминалистов.

Лорна стояла у носового фальшборта, позволив ветру холодить лоб, осушая пот, но это почти не помогло сбросить напряжение или смягчить шок. Посреди хаоса она сосредоточилась на своей работе, сохраняя профессиональную невозмутимость, фокусируя внимание на ранах, контузиях, переломах. Этот «костыль» помог ей перебраться через утро. Остальные раненые теперь стабильны, и за ними присматривает врач береговой охраны.

Как только нужда в ее помощи отпала, Лорна ощутила, как трагедия обрушилась на нее всей своей тяжестью. Она обхватила себя руками. «А что, если бы я до сих пор была с Джеком в трюме... что, если бы мы не отправились на остров?»

Вдруг ощутив за спиной чье-то присутствие, она оглянулась.

Джек стоял в паре шагов позади, словно боясь ее потревожить.

Лорна была благодарна ему за такую деликатность, но и ощутила легкое раздражение. Он, что, считает ее настолько хрупкой дамочкой? Она кивнула Джеку, чтобы присоединился. Ей нужны были ответы, какое-нибудь объяснение, которое позволит спокойно уснуть ночью. И она надеялась, что у Джека они есть.

– Извини, что втянул тебя в это, – проронил он, подходя. – Если бы я знал...

– Откуда тебе было знать? – она обернулась, разглядывая линию берега.

Джек встал рядом у перил. Последовало долгое молчание, пока каждый подыскивал подходящие слова.

– Как по-твоему, что произошло? – наконец спросила Лорна. – Насчет взрыва. Раньше ты высказал гипотезу насчет какого-то аварийного конца.

Он невнятно кхэкнул.

– Нужно еще, чтобы эксперт-взрывотехник это подтвердил. Но пока ты тут была занята, я осмотрел обломки. Смахивает на взрыв топливной цистерны. Возможно, сработала какая-то подстраховка.

– Этот самый аварийный конец?

– Не конец. Концевик, – кивнул Джек. – Концевой выключатель. Кто-то еще знал об этом судне. Пришел же этот груз откуда-то, направлялся же куда-то. После шторма, когда оно не объявилось, на том конце, должно быть, запустили детонатор по радио.

– Чтобы уничтожить груз.

– И замести следы.

Его слова напомнили Лорне о ее собственных обязанностях.

– А животные... сколько их уцелело?

– К сожалению, до взрыва команда успела переправить только горстку животных. Попугая, пару обезьян, ягненка. Смогли еще вынести кладку яиц питона. Но сама змея и все остальные погибли.

– У нас еще есть детеныш ягуара.

– Это верно. Я и забыл. Несмотря на все случившееся, есть и другой выживший, о котором стоит побеспокоиться.

– Мать этого детеныша.

– Она до сих пор где-то там. Как только прибудем в Новый Орлеан, мне надо организовать поисковую группу.

– А я тем временем начну генетические исследования, необходимые, чтобы выяснить, что именно случилось с этими животными, и попытаюсь прикинуть, кто на такое способен.

– Хорошо. Я позвоню завтра, чтобы узнать, что ты выяснила.

Джек хотел было отвернуться, но Лорна схватила его за руку.

– погоди, Джек. Я успею все наладить в ОЦИИВ до сумерек.

Он озадаченно наморщил лоб, не понимая, куда она клонит.

– Сегодня вечером я иду с тобой, – заявила Лорна.

Его морщины не разгладились, а стали еще глубже.

– Когда отправишься охотиться на пантеру, я иду с тобой, – тяжело вздохнула она.

Джек уставился на нее с каменным лицом.

– Нет. Тебе идти вовсе незачем. Слишком опасно.

Гнев вспыхнул у Лорны в груди, и она отчасти обрадовалась, что способна хоть что-то почувствовать после такого количества смертей. И почерпнула в этом гневе силу.

– Слушай, Джек. Я уже охотилась на большую дичь. И стреляю летающими шприцами без промаха.

– Я тоже, причем не шприцами. И знаю эти места лучше тебя.

– А я знаю крупных кошек лучше тебя.

– Лорна...

– Да брось, Джек. Будь же рассудителен. Будь я мужчиной, затеяли бы мы этот разговор вообще? Ты сказал, что собираешься сколотить команду специалистов – следопытов, охотников, свою спецгруппу. Я предлагаю тебе помощь *как специалист*.

Он хотел было заспорить, но идти на попятный Лорна не желала – и отнюдь не из гордыни.

– Я знаю поведение крупных кошек лучше всех к югу от линии Мэйсона-Диксона¹⁴, – она посмотрела ему прямо в глаза. – Мои знания могут спасти кому-нибудь жизнь. И ты знаешь это. Или ваше мужское эго перевешивает чью-то жизнь?

Она понимала, что последние слова несправедливы, что в гневе просто-напросто забылась и наговорила лишнего. Но прежде чем успела взять свои слова назад, Джек отвернулся.

– Будь готова к сумеркам, – бросил он и направился прочь.

¹⁴ Традиционная граница между Севером и Югом США.

Глава 7

Несколько часов спустя Лорна стояла в изоляторе ветлечебницы ОЦИИВ. Электроснабжение уже возобновили. Свет потолочных светильников отбрасывал яркие блики от клеток из нержавеющей стали, ярус за ярусом поднимающихся вдоль одной стены. Изолятор временно задействовали под карантин для животных, доставленных с траулера.

Осталось лишь пять особей... а в дополнение кладка из одиннадцати питонных яиц.

Лорна, одетая в костюм хирурга, держала детеныша ягуара в сгибе локтя, кормя его из бутылочки. Тот сосал и глодал деснами резиновую соску с закрытыми глазками. Стоило прижать его чуть сильнее, и раздавалось басовитое рычание. Голодный малыш. Уже третья бутылочка с момента прибытия сюда шесть часов назад.

Лорна провела большую часть времени именно здесь и была рада этому. После стольких смертей провести время с животными, устраивая их, осматривая и кормя, было просто бальзамом на душу. Как всегда, уход за пациентами вернул ей душевный покой и утешение.

Будучи ученым, она понимала почему. Проведены тысячи исследований взаимосвязи между человеком и животными – кошки снижают кровяное давление у гипертоников, визиты собак заставляют прикованных к постели пациентов оживиться и пойти на поправку. Хотя объяснить эту взаимосвязь никто толком не может, она вполне реальна и поддается измерению.

Но для Лорны дело обстояло куда серьезнее. В окружении животных она ощущала биевание собственной жизни более полно, ярко и насыщенно, даже чувства ее будто обострялись – нет ничего лучше млечного запаха дыхания щенка, шершавости кошачьего языка на тыльной стороне кисти, ворчания напуганного пса, воспринимаемого скорее ладонью, чем слухом. Она была такой с самого детства. С третьего класса знала, что хочет стать ветеринаром. И хотя коллеги мало-помалу выдыхались, у нее со временем эта связь только крепла.

Продолжая кормить детеныша, Лорна прошла вдоль ряда конур. Сросшиеся обезьянки в средней клетке спали в обнимку, устроившись в теплой груде полотенец. На локтях у них были узенькие белые повязки после отбора крови на анализ и внутривенных вливаний несчастным обезвоженным животным. В стальной миске в углу высилась груда обезьяньего корма и ломтиков свежих бананов.

Лорна уже пробежала взглядом медицинскую карту, висящую на планшете под клеткой. В анализах крови ничего особенного. Легкая анемия и повышенный уровень ферментов печени, скорее всего от длительного недоедания. Но несмотря на страх перед новой обстановкой, после осмотра эта парочка хорошо поела.

Кто-то уже заполнил графу «Имя пациента», вписав «Хьюи и Дьюи»¹⁵.

Лорна улыбнулась. Вот вам и профессиональная бесстрастность. Впрочем, сетовать тут не на что. Она и сама сейчас, будто младенца, укачивала сосунка, которого назвала Багирой в честь пантеры из «Книги джунглей» Кипплинга¹⁶.

И все же, несмотря на ласковые прозвища животных, происхождение их полно зловещей таинственности. Кто-то пустился во все тяжкие, чтобы состряпать этот чудовищный груз. И чтобы скрыть его, не остановился перед кровопролитием. Но почему и зачем, а самое главное – *кто?*

Лорна чувствовала, что ответы таятся в этих животных. Вскоре по прибытии каждое из них прошло тщательный осмотр, включая полное сканирование тела методом магнитно-резо-

¹⁵ Причуды перевода. Имена двоих из племянников Скруджа Макдака и Дональда Дака. В американской версии утят зовут Хьюи, Дьюи и Луи, в русской – Билли, Вилли и Дилли.

¹⁶ И снова причуды перевода. В оригинальной версии «Книги джунглей» (и одноименного мультфильма) Багира (именно так, с женским родовым окончанием) – самец. В переводе же книга называется «Маугли», а пантера по причине родовых окончаний и в названии животного, и в имени стала самкой.

нансной томографии. Новая программа компьютерного моделирования все еще обрабатывает данные МРТ, чтобы получить трехмерные изображения внутренних органов. Лорне не терпелось увидеть результаты.

Какие еще генетические аномалии могут там обнаружиться?

В глубине изолятора в выстеленном сеном загоне находился ягненок – маленькая самочка. Она лежала на груди сена, без матери выглядя совсем несчастной. Взгляд ее больших карих глаз был устремлен на проходящую Лорну. Эта овечка ее тревожила, по-прежнему отказываясь сосать из бутылочки.

Но прежде чем Лорна успела поразмыслить о способах соблазнить ягненка бутылочкой, как громкий раздраженный крик привлек ее внимание к последнему пациенту с траулера. Штатный специалист по пернатым решил, что это самец жако, африканского серого попугая – вида, обитающего в джунглях Западной и Центральной Африки, хотя без оперения или хохолка полностью увериться в его видовой принадлежности весьма затруднительно. Суждение основывалось на характерных для вида белых радужных оболочках. На фоне серо-зеленой кожи и черных зрачков такая окраска глаз делает их весьма выразительными.

Лорна понимала, что он хочет на свободу. Попугай уже раз сбежал из клетки – вскоре после прибытия он с помощью клюва и когтя открыл щеколду и распахнул дверцу, а потом сидел сверху на штабеле клеток, истошно крича, когда кто-нибудь приближался. Пришлось воспользоваться сетью, чтобы изловить его и водворить обратно в клетку, теперь надежно запертую.

– Извини, Чарли, – проговорила она, подходя ближе.

Скакнув к прутьям, попугай сверкнул глазами со зрачками, то расширяющимися, то сужающимися от гнева.

– *Игорь!* – заверещала птица своим жутковатым человеческим голосом. – Игорь... хороший, Игорь... Игорь, Игорь, Игорь...

Поняв, что попугай хочет поведать, Лорна улыбнулась.

– Итак, мой мальчик, ты Игорь, – она подчеркнула последнее слово – явно имя птицы.

Перестав сверкать глазами, он принялся двигать головой вперед-назад, разглядывая ее более пристально, словно решая, стоит ли делиться с ней секретом.

Имя оказалось зловеще уместным. Игорем звали ущербного ассистента доктора Франкенштейна. У кого-то там склонность к черному юмору.

Попугай повернул голову, уставившись на нее одним глазом.

– *Хочу идти. Идти прочь. Прошу прощения.*

От его слов повеяло ледяным холодом. Лорна знала, что у попугаев такое же соотношение веса мозга и тела, как у шимпанзе. Попугаи – самые умные из птиц и, согласно некоторым исследованиям, наделены познавательной способностью на уровне пятилетнего ребенка.

Тревожные слова Игоря напомнили ей о знаменитом случае Алекса – попугая-жако, принадлежавшего доктору Айрин Пепперберг, профессору психологии из университета Брайденс. Алекс владел словарным запасом из полутора сотен слов, демонстрируя изумительную способность к решению задач. Он умел отвечать на вопросы, считать, даже освоился с понятием нуля. И более того, мог довольно внятно выражать свои чувства. Когда Алекса оставили в ветлечебнице для хирургической операции, он умолял хозяйку: «Иди сюда. Я тебя люблю. Извини. Я хочу обратно». Слова Игоря, произнесенные в изоляторе, прозвучали жутковатым эхом той же способности к мышлению и пониманию.

Заинтересовавшись, Лорна отправилась уложить детеныша ягуара обратно в клетку. Он уже прикончил бутылочку и благодушно задремывал.

Игорь продолжал наблюдать за ее перемещениями, пока Лорна укладывала Багиру в гнездышко из одеял. Устроив ягуарчика, она вернулась к попугаю, склонившись к нему поближе.

– Привет, Игорь, – негромко промолвила она.

– Привет, – повторил он за ней и принялся лазать вверх-вниз по прутьям, явно чувствуя себя не в своей тарелке из-за новизны обстановки.

Лорна мучительно подыскивала способ успокоить его, когда вдруг вспомнила свой визит в трюм траулера, и ее осенило. Вытащив из кармана КПК¹⁷, она вызвала калькулятор и нажала на иконку со знакомой греческой буквой. И как только была готова, спросила:

– Игорь, чему равно пи?

Оцепенев на дверце клетки, попугай снова воззрился на нее, а потом перепрыгнул на свой деревянный насест. Уставился на нее одним глазом, потом другим.

– Ну же, Игорь, чему равно пи?

Он снова пронзительно крикнул, дернул головой несколько раз вверх-вниз и повел знакомый речитатив:

– Три один четыре один пять девять два шесть пять...

Его голова продолжала дергаться с каждой цифрой, ритмично и монотонно. Лорна смотрела на дисплей наладонника. Действительно, математическая константа пи, последовательность цифр правильная. Нервная дрожь попугая мало-помалу сходила на нет по мере перечисления, уже перевалившего за пределы цифр, отображенных на экране наладонника. Он съезжился на жердочке, крепко вцепившись в нее лапами и явно находя успокоение в сосредоточенном повторении, как люди находят его в вязании или разгадывании кроссвордов.

Он все вел и вел, впав в практически гипнотический ритм. Лорна давно уже потеряла счет названным птицей цифрам. Должно быть, порядком за сотню.

Она не знала, не превратилось ли продолжение последовательности в бессмысленный набор цифр, но планировала повторить эксперимент при первой же возможности. Несколько минут Лорна просто слушала в ошарашенном молчании, понимая, что проверить, права ли птица, можно, лишь заготовив многостраничную распечатку знаков константы.

Какой же длины последовательность он запомнил? И кто его научил?

Но прежде чем она успела продумать дальнейшие подробности, дверь изолятора распахнулась под негромкие хлопки дверей шлюзовой камеры. Игорь тотчас же смолк. Обернувшись, Лорна увидела тощую долговязую фигуру доктора Карлтона Метойера, вошедшего в помещение.

– Карлтон, – произнесла она, удивленная, что директор явился как снег на голову. – Что вы тут делаете?

Он одарил ее теплой отеческой улыбкой.

– Вижу, вы закончили кормить *Багиру*, – директор сделал упор на имени детеныша. В глазах его плясали озорные чертики.

Лорна мысленно застонала. Она упомянула имя детеныша только при лаборанте, но, как всегда, весточка разлетелась по всему ОЦИИВ в мгновение ока. Щеки ее зарделись. В конце концов, она же научный сотрудник с ученой степенью, а не соплячка с новой кисулей.

– Он набил животик, – сообщила она. – По меньшей мере, на ближайшие пару часов. Потом снова начнет просить бутылочку.

– Это даст лаборатории достаточно времени для завершения генетических анализов.

– А что уже готово?

Лорна с нетерпением ждала любых новостей. Прибыв в ОЦИИВ с животными, она все свое время потратила на стабилизацию изнуренных животных и помощь в заборе крови и образцов тканей на анализ. И пока занималась полным объективным обследованием, образцы ДНК исчезли в главной генетической лаборатории – безраздельной вотчине доктора Метойера. Директор прославился на весь мир своими революционными трудами по клонированию и межвидовой трансплантации эмбрионов.

¹⁷ КПК – карманный персональный компьютер, форм-фактор, отмерший как класс с появлением смартфонов.

– Мы едва копнули поверхность, – сообщил Карлтон. – Но первоначальный хромосомный анализ уже выявил интригующий выверт. Сейчас мы запустили повторный анализ, но мне подумалось, что надо бы наведаться сюда за вами. Вы должны видеть это собственными глазами.

Сделав приглашающий жест, он направился к двери, явно испытывая неподдельный энтузиазм по какому-то поводу, передавшийся и Лорне.

Она двинулась следом, чуть ли не трепеща от любопытства. Обернувшись уже на пороге, встретила взгляд Игоря, тарасившегося на нее, сидя снова на двери. Его опять трясло.

И она услышала его шепот у себя за спиной:

– Хочу домой.

Глава 8

Лорне очень не хотелось захлопывать дверь перед жалобным взором Игоря, но ей предстояло раскрыть более важную тайну. И все же она ощутила укол сочувствия, пробившегося сквозь броню ее сугубо профессионального интереса.

Дверь изолятора со щелчком захлопнулась, и ее босс уже одолел полкоридора, целеустремленно двигаясь вперед длинными шагами. Он что-то говорил, но она поймала лишь хвост фразы.

– ...и мы уже приступили к ПЦР-анализу¹⁸ для амплификации ключевых хромосом. Но, конечно, секвенирование ДНК продлится почти всю ночь.

Лорна поспешила вперед, чтобы нагнать Карлтона – и в прямом, и в переносном смысле. Вместе они прошли по следующему коридору и подошли к двустворчатым дверям анфилады генетических лабораторий, занимающих это крыло комплекса ОЦИИВ.

Главная лаборатория, длинная и узкая, похожа на этакий пенал, по обе стороны которого выстроились боксы биологической безопасности и рабочие места. Стеллажи и столы уставлены новейшим генетическим оборудованием – центрифугами, микроскопами, инкубаторами, аппаратурой для электрофореза, системой цифровых камер для визуализации ДНК, подставками для пипеток, лабораторным стеклом, весами, флаконами с ферментами и химреактивами для ПЦР.

Карлтон направился напрямик к двум исследователям, мужчине и женщине, уткнувшимся в компьютерный дисплей. Оба одетые в белые лабораторные халаты, они тесно стояли бок о бок, чем напомнили Лорне сросшихся обезьянок Хьюи и Дьюи.

– Изумительно! – возгласил доктор Пол Трент, искоса оглянувшись, когда она подошла к ним. Молодой, изящно сложенный, с волнистыми светлыми кудрями, зачесанными за уши, он больше смахивал на калифорнийского серфера, чем на ведущего нейробиолога.

Рядом стояла жена Пола Зоуи, испанка с коротко стриженными – короче, чем у мужа, – черными волосами, обрамляющими широкоскулое веснушчатое лицо. Ее лабораторному халату было не под силу скрыть ее шикарные формы.

Оба биолога из Стэнфорда – вундеркинды в своей области – защитились, когда им не исполнилось еще и двадцати пяти, и уже завоевали признание как специалисты. В Новый Орлеан они приехали, получив грант на два года для проведения исследований развития нервной системы клонированных животных, изучая структурные отличия между мозгами клонированных экземпляров и оригинальных особей.

Оба доктора определенно прибыли в подходящее место.

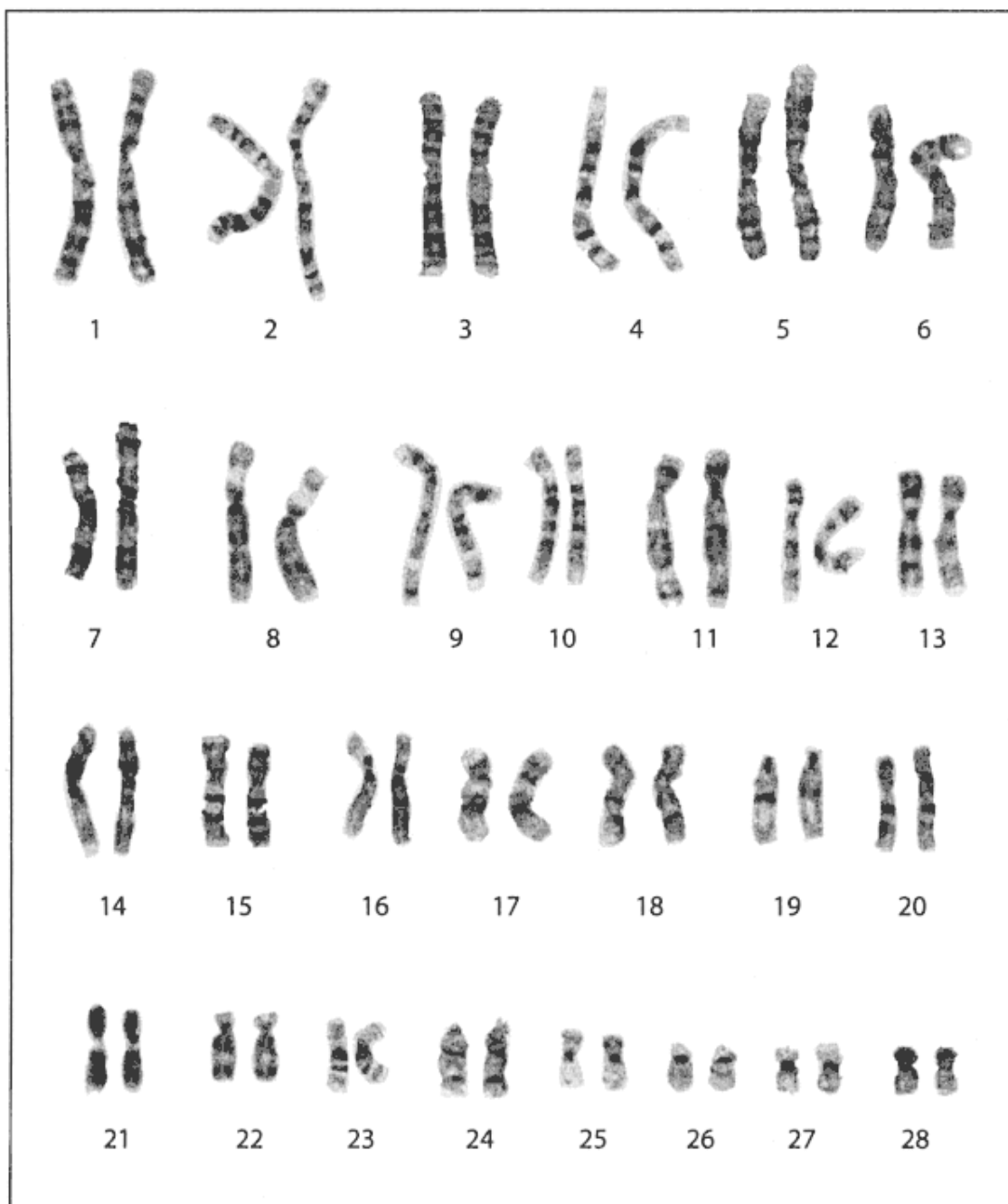
ОЦИИВ – одно из ведущих научных учреждений страны, занимающихся клонированием. В 2003 году они первыми клонировали дикого хищника – африканскую кошку по кличке Дитто. И хотя ее имя по-французски пишется как *Ditteaux*, все произносят его как *Ditto*¹⁹ по вполне очевидным причинам. А в будущем году центр собирается приступить к коммерческому клонированию домашних любимцев, чтобы таким образом заработать средства для финансирования работ с видами, стоящими на грани вымирания.

– Лорна, ты должна это видеть, – Зоуи отступила от монитора.

Подойдя, та увидела на экране кариограмму, показывающую перенумерованный набор хромосом, выстроенный в виде таблицы.

¹⁸ Метод ПЦР – полимеразной цепной реакции – широко используется в генетических исследованиях, позволяя добиться амплификации – значительного увеличения малых концентраций определенных фрагментов ДНК.

¹⁹ Ditto (англ.) – заимствованное из латыни выражение, означающее «то же самое».

Кариогаммы строят, с помощью химических реагентов прерывая деление клеток на этапе метафазы. Далее хромосомы разделяют, окрашивают и с помощью цифровой съемки вводят в компьютер, выстраивая изображения в перенумерованную кариогамму. У человека сорок шесть хромосом, поделенных на двадцать три пары. Дисплей же показывал двадцать восемь пар.

Определенно не человеческие.

– Мы построили эту кариогамму из лейкоцита одной из обезьян-капуцинов, – пояснил Карлтон.

По всеобщему возбуждению Лорна догадывалась, что это еще ерунда, главное впереди.

– Обычно у капуцинов комплект из двадцати семи пар хромосом, – недоумевающим тоном произнес Пол.

Лорна взглядела в кариогамму на экране.

– Но здесь их *двадцать восемь*.

– Именно! – поддакнула Зоуи.

Лорна обернулась к директору института.

– Карлтон, вы сказали, что еще хотите повторить анализ. Это наверняка лабораторная ошибка.

– Анализ уже проводится, но подозреваю, что он лишь подтвердит первоначальные выводы, – он кивнул на компьютер.

– Почему это?

Подавшись вперед, Карлтон схватил компьютерную мышку и прокрутил еще пять генетических карт.

– Следующая кариограмма от сиамского близнеца первой обезьянки. И снова двадцать восемь хромосомных пар, как и в первой. Далее – образцы ягненка, детеныша ягуара, попугая, а последний – от бирманского питона.

Питона?

Нахмутив брови, Лорна бросила взгляд через лабораторию туда, где в инкубаторе лежала кладка змеиных яиц. Должно, желая подтвердить первоначальные подозрения, Карлтон вскрыл одно из яиц, чтобы извлечь развивающийся там эмбрион и добраться до образца ДНК.

– Как правило, у питонов тридцать шесть пар хромосом, – продолжал Карлтон. – Смесь микро- и макрохромосом.

Лорна сверилась с экраном.

– Здесь тридцать семь.

– Правильно. На одну пару больше нормы. Как и во всех остальных. Вот почему я уверен, что мы получим те же результаты, если проведем генетический анализ снова. Чтобы лаборатория совершила одну и ту же ошибку шесть раз подряд, статистически невозможно.

У Лорны, пытавшейся уяснить, что же отсюда вытекает, прямо голова пошла кругом.

– Вы говорите, что у каждого животного с траулера проявляется один и тот же генетический дефект? Что у каждого лишний набор хромосом?

У людей подобные генетические аномалии периодически обнаруживаются. Одна лишняя хромосома ведет к рождению ребенка с синдромом Дауна. А при синдроме Клайнфельтера мальчик рождается с двумя X-хромосомами, образующими кариотип XXУ. В редких случаях некоторые люди рождаются с лишней *парой* хромосом. Столь серьезные аномалии обычно приводят к уменьшению продолжительности жизни или серьезной умственной отсталости.

Сдвинув брови, Лорна взглядела в экран. Ни одно из ее животных не выказывает подобных изъянов. Должно быть, ее замешательство было отчетливо написано на лице.

– По-моему, вы не ухватываете весь смысл того, что мы говорим, – заметил Карлтон. – Эта дополнительная пара хромосом – не результат генетической ошибки. Она появилась не вследствие случайного сбоя при митозе сперматозоида или яйцеклетки.

– Откуда у вас такая уверенность?

Поманипулировав мышкой, Карлтон снова пролистал все шесть кариограмм, указывая на последнюю пару хромосом в каждом из наборов.

– Образчики с траулера не просто несут дополнительный набор хромосом, – продолжал директор. – Они несут *одни и те же* хромосомы.

Лишь теперь до Лорны дошло, что лишняя пара хромосом у каждого экземпляра выглядит идентично. И как только значение этого факта дошло до сознания, мало-помалу стало возникать понимание. Будто некая могучая волна пошатнула устои мира у нее под ногами.

Не может быть!

– Это не ошибка природы, – постучал Карлтон по экрану компьютера. – Это дело рук человеческих. Кто-то ввел эту дополнительную пару хромосом всем этим животным намеренно.

– Кто?.. – пробормотала Лорна, потерявшая почву под ногами настолько, что закружилась голова, но притом ощущая от всего этого странный душевный подъем.

Карлтон обернулся к ней, задрав свои косматые седые брови высоко на лоб. Его широко распахнутые глаза горели чистейшей любознательностью.

– Куда более существенный вопрос, дорогая моя, – *зачем*.

Глава 9

В дебрях байю отец Дэнни Хемпла пробирался сквозь камыши.

– Прямо никаких нервов на тебя не хватает, мальчишка. Порой от тебя не больше проку, чем от титек у быка.

Дэнни не спорил, зная, что без толку. В свои семнадцать лет он уже вымахал ростом почти с отца, но даже вполтину не так свиреп и коварен. Однажды он видел, как папаша в кровь поколотил человека рукояткой молотка за то, что тот обсчитал его по мелочи при дележке выручки от улова.

В данный момент Дэнни смотрел, как отец вытаскивает из взбаламученной воды в камышах крабовую ловушку. Ловушка чужая, да притом не какой-то давно брошенный старый хлам, обросший морскими желудями, а новехонькая, с чистой веревкой, буйком и до сих пор прикрепленной биркой лицензии.

Достав складной нож, отец отрезал веревку и бирку и побрел с трофеем сквозь камыши в своих болотных сапогах на лямках. Дэнни заметил, что в краденой ловушке копошится с дюжину солидных луизианских голубых крабов.

– Слышь, пацан, выгаци палец из жопы и веди чертову лодку сюда поближе. Не целый же день здесь торчать.

Дэнни принялся шестом толкать в его сторону лодку – ржавый аэроглиссер со снятым воздушным винтом, который заменили старым подвесным «Эвинрудом». Так близко от заиленного берега слишком мелко, чтобы заводить мотор – и потом, он слишком громкий. С подобным промыслом недолго и в беду вляпаться, ежели попадешься парням из рыбнадзора.

Штормы вроде вчерашнего сеют хаос и опустошение среди тысяч крабовых ловушек, расставленных вдоль речных протоков у Залива. Приливные течения срывают их с привязи, загоняя в окружающие болота. Все едино, будто деньгами швыряться, как частенько подшучивает отец.

Дэнни же с друзьями шутил, что это больше смахивает на метание бисера перед свиньями. Однажды он совершил оплошность, повторив эту шуточку в пределах слышимости отца, и с тех пор на носу у Дэнни красуется горбинка от давнего перелома.

– Да забери же эту, в конце концов! Там самое малое еще две.

«Хрю-хрю», – кисло подумал Дэнни, налегая на шест.

Наконец подобравшись достаточно близко, он взял ловушку из протянутых рук отца и присоединил ее к четырем другим, уже сложенным в лодке. Добыча хорошая, как бы он ни презирал подобный промысел. По восемь долларов за фунт мяса клешней и вдвое против того за филейную часть – они за день трудов загребут чуть ли не штуку. Не говоря уж о перепродаже крабовых ловушек тем же людям, которым они принадлежали раньше.

Типы из рыбного и охотничьего надзора на такое шакальство глаз не закрывают. Если и не укут тебя за решетку, обложив штрафом по самое некуда, то уж непременно подставят карман для своей доли хабара. Дескать, такова цена здешнего бизнеса. Но это еще не самая большая опасность. Встречаются и другие добытчики вроде отца Дэнни. Вспыхивают драки за территорию; бывает, доходит и до кровопролития. Говорят, здешние аллигаторы жрут от пуза.

Зная об этой угрозе, Дэнни следил за байю вокруг, хотя по большей части на слух. Видимость все равно не больше, чем на двадцать ярдов в любом направлении, – обступающие со всех сторон кипарисовые и амбровые леса, поросшие мхами и лианами, отгораживают от мира напрочь, простирая ветви над узкой протокой ажурным сводом.

Дэнни чутко вслушивался, не раздастся ли дискант винтов аэроглиссера инспектора надзора или рычание подвесного мотора другого стервятника. Пока что слышался лишь звон москитов да трели вилохвостых коршунов, перепархивающих над головой с ветки на ветку.

Утерев лоб платком, Дэнни сунул его обратно в карман. Ветки будто законсервировали дневную жару, даже в тени почти никакого облегчения. И что хуже того, от ловушек уже поваживает.

Но что ж тут сделаешь?

Не имея никакого выбора, он толкал лодку шестом вслед за отцом, пробирающимся вдоль края камышей. Они углубились в байю дальше, чем обычно. И позже обычного. Дэнни понимал, почему отец отважился на такой риск. У младшей сестры рецидив лейкемии. Отец сейчас без работы, и медицинской страховки у них нет. Этот шторм прямо-таки Бог послал. Так что на сей раз Дэнни был не в претензии на грубость отца, чувствуя таящиеся за ней тревогу и стыд.

– Пап, по-моему, вон там еще одна ловушка.

Дэнни шестом указал в узкое ответвление протоки, уходящее в более глубокий сумрак. У самого ее входа течение покачивало белый буюк.

– Тогда отправляйся за ней, пока я освобожу эту. Веревка запуталась в какой-то коряге.

Под матерщину отца за спиной Дэнни погрузил шест в воду, направляя лодку к боковой протоке. Узкое русло, сплошь покрытое водяными лилиями, петляя, углублялось в чащу леса, больше напоминая тоннель, а не протоку.

Чтобы добраться до отбившегося буйка, надо загнать лодку в этот тоннель. От громкого всплеска Дэнни аж подскочил. Обернувшись, увидел енота, переплывающего главную протоку, быстро работая лапами. Дэнни поглядел ему вслед, сосредоточенно нахмурившись. Обычно эти дармоеды не так уж боятся людей. А главное, уж больно опрометчивое бегство. Не один енот окончил подобную эскападу в роли закуски для затаившегося аллигатора.

Не успел он отвернуться, как второй енот прыгнул с ветки по высокой дуге, плюхнувшись далеко от берега. Их паника озадачила Дэнни.

– Че зыришь там? – окликнул отец. – Поторопись уже!

Насупившись, Дэнни вернулся к насущной задаче. Наклонился, схватился за буюк, вытащил его и потянул за веревку, ощутив вес затопленной ловушки и по опыту зная, что улов хороший. Расставил ноги для равновесия пошире и потянул ловушку из воды. Проволочная клетка была прямо-таки набита крабами. Прикидывая стоимость улова, он невольно расплылся в широкой улыбке.

Дэнни втащил ловушку в лодку и установил к другим. Когда он уже поворачивался, чтобы толкать лодку из боковой протоки, просверк чего-то белого привлек его взгляд глубже в рукав. Отведя низко нависшую ветку, Дэнни увидел футок в пятидесяти связку из целых четырех буйков, спутавшихся в узел.

Ну ладно...

Взявшись за ветку, он подтянулся вместе с лодкой в протоку и принялся толкаться дальше шестом. Не сводя глаз со своей цели, юноша все-таки не терял бдительности, настороженно высматривая подозрительные бревна по берегам или предательский блеск чешуи на рыле. Как раз в таких уединенных протоках частенько устраивают логова аллигаторы. Впрочем, Дэнни не слишком тревожился. Самцы аллигаторов становятся агрессивными, а самки атакуют все, что приблизится к логову, лишь в сезон спаривания. И потом, у него, как и у отца, на поясе есть пистолет в кобуре.

Добравшись до связки буйков, Дэнни уже хотел было наклониться и начать их распутывать, когда увидел, что их веревки тянутся к берегу. Брошенные клетки обнаружились у самой воды. Все они были исковерканы и взломаны, будто прошли через щеподробилку. Крабов и след простыл.

Сперва ему пришло в голову, что какой-нибудь матерый аллигатор польстился на легкую добычу, но тут вдоль хребта прокатилось холодное прикосновение ужаса. За все эти годы он ни разу не видел, чтобы аллигатор напал на ловушку для крабов. А учитывая, сколько они весят, вытащить их на берег под силу лишь крупному животному.

Но если это не аллигатор...

Дэнни судорожно сглотнул, во рту пересохло. Выпрямившись, он принялся налегать на шест, ретируясь из протоки. Вспомнил, как рвали отсюда когти двое енотов. Что-то их напугало, может быть, что-то покруче подростка в лодке. Он оглянулся на исковерканные клетки, остро осознавая, какой груз делит с ним лодку.

И поднажал.

Громкий треск ветки заставил его развернуться. Сердце колотилось где-то в горле. Толстая ветка, рухнув поперек русла, отрезала путь к бегству.

На противоположном берегу зашелестели кусты, словно кто-то спрыгнул с дерева, приземлившись на дальней стороне. Выронив шест, Дэнни выхватил пистолет и начал лихорадочно нащаривать предохранитель.

Шелест стремительно удалялся.

Дэнни так и не видел, кто там, но ощутил нечто большое и скрытное. Оцепенев, он напрягал слух, опасаясь, что оно может вернуться.

От внезапного крика он едва не вывалился из лодки.

– Парень! Спрячь елду в штаны и вали сюда!

И только тут Дэнни осознал, в каком направлении удаляется шорох. Куда он направляется.

Нет...

Элдон Хемпл понял, что дело неладно, еще до того, как раздался испуганный крик сына: – ПАПА!

Элдон охотился в болотах и байю с тех самых пор, когда был собственному папаше по колено, и отточил свои инстинкты до бритвенной остроты. Единственным предостережением послужила внезапная тишина. Словно небо навалилось на землю, как перед грозой.

Стоя по щиколотку в воде в гуще камышей и пальметто, опустив крабовую ловушку обратно в воду, он достал свой пистолет. Медленно совершил полный оборот, окидывая окрестности немигающим взглядом. Тело буквально вопило, что надо бежать, повинаясь первобытным инстинктам, но он сдержал этот порыв, не зная, с какой стороны исходит опасность.

Элдон напрягал слух в чаянии какого-нибудь предостережения – всплеска, треска ветки, хоть чего-нибудь. Грудь теснило от ужаса. Страх не за свою жизнь, а за сына. Он гоняет мальчишку в хвост и в гриву, но любит еще крепче.

А потом он услышал. Сзади. Грубый кашляющий звук. Не человеческий, а скорее что-то вроде перханья зверя. Следом покатилося басовитое рычание.

Закинув руку за спину, он выстрелил вслепую, выпуская пулю за пулей и одновременно удирая в противоположном направлении, с мелководья вглубь.

– Дэнни! Сматывайся отсюда!

Он продирался сквозь камыши, острыми листьями резавшие лицо и голые руки. Если удастся добраться до глубины, нырнуть в протоку...

Позади кто-то ломился через пальметто. И только тут он сообразил, что кашель и рычание зверюга издала намеренно, чтобы спугнуть его.

Камыши расступились. Впереди лежала открытая вода. Он уже подогнул ноги, чтобы нырнуть рыбкой, но что-то массивное врезалось ему в спину, повалив ничком в мелкую воду.

Удар напрочь вышиб воздух из легких. В плечо и спину вонзились ножи. Он пытался завести руку за спину, вслепую выстрелить через плечо. Ухитрился нажать на спуск один раз, прямо возле уха. Грохот оглушил его, но не настолько, чтобы не расслышать последовавший за выстрелом шипящий вопль, исполненный кровожадной ярости.

На него упала тень, застывая солнце.

Элдон ощутил на шее жаркое дыхание. Челюсти сомкнулись у него на затылке, ткнув его лицом в болотную жижу. Он ощутил давление на череп, мгновение пронзительной боли, треск костей, – и тьма, и больше ничего.

Дэнни услышал выстрелы, пронзительный рев ярости, приказ бежать и понял, что в запасе считанные мгновения. В болотах Луизианы встречаются и рыси, и медведи, но такой рев мог издать только куда более крупный зверь, которому не место среди болот и байю. Все волосы у паренька до последнего встали дыбом, трепеща от этого рыка.

Схватив шест, Дэнни принялся толкать лодку прочь от главной протоки. Ему теперь открыто лишь одно направление. Упавшая ветка перегородила дорогу назад. Она слишком велика и развилиста, чтобы сдвинуть ее самостоятельно. А он понимал, что времени возиться с ней попросту нет. Нужно убираться отсюда как можно дальше.

Налегая на шест, Дэнни чутко прислушивался, не раздадутся ли новые выстрелы, душе-раздирающий крик, хоть какой-то знак, что отец еще жив. Но над байю снова воцарилась тишина. Даже москиты словно притихли.

Вонзив шест в илистый грунт, он оттолкнулся что есть сил, уже миновав место с искореженными крабовыми ловушками и продолжая углубляться в лабиринт бугров и густых кипарисовых рощиц. Этот район байю ему совершенно незнаком, но Дэнни понимал, что останавливаться нельзя ни на миг.

Тяжесть пистолета помогала ему сохранять самообладание. Он сунул пистолет за пояс, опасаясь, что не сумеет вытащить его из кожаной кобуры вовремя.

Только не останавливаться...

Это единственная надежда. Нужно выбраться на открытую воду, может, даже напрямик в Залив. Но Дэнни понимал, что движется не в ту сторону, на север, а не на юг. Добраться до Миссисипи нечего и думать, но между этим местом и Биг-Мадди есть небольшие поселения. Если удастся добраться до одного из них, забить тревогу, поднять людей... *людей с массой ружей...*

Время, отсчитываемое ударами его сердца, едва тащилось. Казалось, прошел не один час, хотя на самом деле, наверное, и одного-то не набралось. Солнце склонилось к самому горизонту. В какой-то момент вернулись привычные звуки болота – кваканье лягушек, птичий пересвист. Дэнни радовался даже звенящим тучам москитов. Какое бы там чудовище ни охотилось в болотах, оно, наверное, решило отказаться от погони.

Наконец узкая протока вывела к маленькому озерцу. Дэнни вытолкнул лодку в самый центр, радуясь возможности отойти от берега подальше. Но солнце уже опустилось ниже крон деревьев, обратив поверхность озера в черное зеркало.

Как раз в его отражении Дэнни и заметил проблеск какого-то движения вдоль берега. Что-то белое бесшумно мелькнуло сквозь лес, стараясь держаться подальше от глаз.

Дэнни выхватил пистолет из-за пояса.

Бурелом на одном из берегов озера позволил ему наконец-то мельком разглядеть зверя. Тот смахивал на белесого тигра, только поизящнее, конечности подлиннее, да и хвост им под стать. В окровавленной пасти он нес что-то бледное, вяло обвисшее. Дэнни боялся, что это какая-нибудь часть тела отца – или рука, или нога.

Но глядя на этот предмет через мушку пистолета, увидел, что это крупный звереныш, которого мамаша тащит за шкуру.

Прежде чем снова скрыться в лесу, кошка остановилась, оглянувшись на Дэнни. Взгляды их схлестнулись. Губы ее раздвинулись, продемонстрировав клыки, смахивающие на костяные кинжалы. Горячая влага побежала по левой ноге Дэнни. Его затрясло с головы до ног.

А затем кошка в мгновение ока скрылась в лесу.

А Дэнни все целил из пистолета в лес. Спустя добрую минуту он медленно осел в центре лодки, обняв прижатые к груди колени. Он чувствовал, что тварь двинула дальше, но сам двигаться никуда не собирался. Лучше помереть здесь с голоду, чем приблизиться к берегу хоть на дюйм.

Глядя на окружающий лес, юноша не мог выбросить из головы воспоминание о взгляде зверюги. В нем не было ничего животного, только рассудок и холодный расчет. Она будто оценивала его, решая, как лучше до него добраться.

В этот момент Дэнни понял, что сломанная ветка преградила ему путь отнюдь не случайно. Кошка сделала это намеренно, чтобы разделить людей. А потом первым делом отправилась за отцом, видя в нем более серьезную угрозу и зная, что вторая жертва застряла в западне и целиком в ее власти. Заперев Дэнни, будто краба в клетке, она просто оставила его про запас.

Вот только что-то отогнало зверюгу.

Что-то более грозное, чем мальчишка в лодке.

Глава 10

Джек пересек раскачивающийся мостик, не трудясь держаться за поросшие плесенью веревочные перила по обе стороны. Даже не смотрел под ноги, держась с уверенностью своего человека, хотя несколько досок давно сгнили и вывалились.

Перед ним стоял родной дом, расположившийся на одном из островков в Байю Туберлен – по сути, просто кочке-переростке с венчиком меч-травы, торчащей из черной воды в окружении пластов ряски. Сидящий на верхушке бугра дом больше смахивает на ветхую коллекцию комнат, как попало составленных вместе, будто детские кубики. Новые пристройки и надстройки добавлялись на протяжении полутора столетий по мере роста клана Менаров. Теперь современная жизнь манит молодежь прочь, и большинство комнат пустует, но сердцевина полуразвалившегося строения сохранилась – крепкий дом из дикого камня. В нем до сих пор живут его родители, которым давно перевалило за семьдесят, вкуче с толикой кузенов, племянников и племянниц Джека.

У причала сбоку от дома, накренившись, покачивалась старая рыбацкая лодка. Она до сих пор держится на плаву скорее силой воли старшего брата Джека, нежели благодаря крепкому килю. Рэнди в рубаше нараспашку, шортах по колено и шлепанцах сидел в шезлонге у самого причала, держа банку пива и уставившись на лодку. Он лишь приподнял банку с пивом повыше, больше никак не выразив своих чувств по поводу прибытия Джека.

– Значит, пойдем поохотимся, – сказал Рэнди, когда Джек подошел.

– Ты позвал Ти-Боба и Пейю?

– Восточка до них дошла. Они подойдут... – Рэнди поглядел на опускающееся солнце, после чего рыгнул, пожав плечами, – ... как только, так сразу.

Джек кивнул. Ти-Боб и Пейю Тибодо – братья, наполовину чернокожие каджуны, наполовину индейцы. А еще они лучшие болотные следопыты из всех, кого он знает. Прошлой весной они помогли найти пару контрабандистов наркотиков, бросивших свой корабль на Миссисипи и пытавшихся удрать через дельту. Промыкавшись день в одиночку, беглецы были более чем счастливы, когда их нашли братья Тибодо.

– На кого охотимся-то? – полюбопытствовал Рэнди. – Ты так и не сказал.

– На большую кошку.

– Рысь?

– Крупнее.

– Так вот с какой радости ты явился за Бертом, – развел Рэнди руками.

– Он с папой?

– А где ж ему еще быть?

Джек повернулся к дому. Брат на редкость не в духе. Неизвестно почему, но можно догадаться.

– Тебе бы лучше не пить, если идешь с нами.

– Я стреляю лучше, ежели хлебну пару пива.

Джек закатил глаза под лоб. К сожалению, брат, наверное, прав.

Подойдя к дому, он распахнул дверь. Он не живет здесь уже больше десяти лет. Теперь у него собственный дом у озера Пончартрейн – нуждавшийся в ремонте после «Катрины»²⁰ и потому доставшийся по дешевке. Поднявшись в переднюю, Джек сразу же учуял аромат фритюрного масла и пряностей. За многие поколения запах впитался в камни кладки вкуче с табачным и древесным дымом. Это не просто дом, это квинтэссенция родного дома.

²⁰ Ураган «Катрина» прошел по этим местам в конце августа 2005 года.

Джек вспомнил свое по большей части счастливое детство, проведенное в этом бурлящем, хаотичном, шумном семейном столпотворении. Теперь стало куда тише, словно дом подремывает в ожидании часа пробуждения.

– *Qui c'est q'ça?*²¹ – послышался окрик.

– Это я, папа! – откликнулся Джек.

Чтобы найти отца, достаточно было повернуться носом к самой густой туче трубочного дыма и следовать на тихий, поскрипывающий звук музыки зайдеко²². Отец оказался в своем кабинете дальше по коридору. Одну стену там занимал каменный очаг, а остальные – стеллажи, забитые книгами.

– Вот и ты, Джек...

Отец изобразил намерение подняться из своего глубокого кресла. Джек взмахом руки остановил его. Тот со вздохом снова откинулся на регулируемую спинку. Артрит совсем скрутил его. Некогда могучее тело отошло – кожа да кости с узловатыми суставами. Ему бы в дом престарелых, под медицинский присмотр, но тут ему куда покойнее со своими книгами, своей музыкой и своим старым охотничьим псом Бертом – последним из долгой династии блаухаундов. Собаки – такие же члены семьи Менаров, как любой из братьев или сестер.

Черно-коричневый пес лежал у остывшего очага, растянувшись на прохладных камнях – сплошь ноги да уши. Морда у него совсем поседела, но в свои тринадцать лет он оставался сильным и здоровым, а уж в чутье ему нет равных. Вот за чутье Джек и хотел позаимствовать его на эту ночь.

Отец набил трубку табаком.

– Слышал, ты ведешь ребятишков поохотиться.

Заслышав желанное слово, Берт поднял голову и насторожил уши. Хвост один раз ударил о пол, чуть ли не вопросительно: дескать, я не ослышался? Чутье у него – острее некуда, а вот слух притупился.

– Вообще-то да, – ответил Джек обоим.

– Славно, славно. Мать почистила и смазала твою винтовку. Она с твоей кузиной на заднем дворе, белье вешают.

Джек улыбнулся, представив, как старушка разбирает его винтовку и аккуратно чистит каждый винтик. Будучи каджункой, она, наверное, до сих пор может проделать это с завязанными глазами. В лучшие годы мать была лучшим стрелком в семье. Однажды она уложила здорового аллигатора, выбравшегося из воды и подкрадывавшегося прямо к Тому – младшему братишке Джека, который играл слишком близко к воде, оставшись один, хотя Джек должен был за ним присматривать. Она всадила пулю рептилии прямо в глаз, уложив на месте. Отчитав младшего сына и начистив Джеку задницу за небрежение своими обязанностями, она просто вернулась к мытью посуды.

Это воспоминание погасило улыбку Джека. Она из всех сил старалась защитить их всех, истово, как всякая любящая мать, но в конце концов не сумела уберечь их от себя самих. Проходя по коридору, он миновал спальню, которую раньше занимал вместе с братом. Теперь она пустует, обратившись в святилище. Награды и трофеи Тома до сих пор красуются на полках вместе с коллекцией раковин, книгами и старыми виниловыми пластинками. После Джека, вывороненного горем и воспоминаниями, в этой комнате почти ничего не осталось.

Должно быть, отец прочел что-то по лицу сына.

– Слышал, ты виделся сегодня с этой девицей. Той, что... что встречалась с Томми.

²¹ Кто там? (фр.)

²² Зайдеко – музыкальный стиль, возникший на юго-западе Луизианы и включающий в себя элементы каджунской музыки, блюза и ритм-н-блюза. Впервые этот жанр официально упомянут как «зайдеко» в 1929 году.

Джек хотел было спросить, откуда это известно отцу, но тут же припомнил, что находится в царстве байю. Вести, особенно сплетни, разлетаются по болотам быстрее урагана. Теперь он понял причину довольно холодного приема и кислого настроения Рэнди.

– Она помогает в деле. Сеть контрабанды животных. Ничего существенного.

Джек почувствовал, что заливается краской, смущенный не только этой полуправдой, но и неправдой покрупнее, погребенной в его прошлом. Смерть брата списали на ДТП в пьяном виде. За рулем была Лорна. Во всяком случае, эта часть истории правдива. Остальное известно очень немногим. Лорну пожурили, шлепнули по рукам – в первую голову, из-за свидетельства Джека наедине с судьей. Однако его семья ее так и не простила.

– А казалась такой славной девчушкой... – проворчал отец, не выпуская трубки изо рта.

– Они же были просто детьми, – неуклюже выговорил Джек, поклявшийся никогда не говорить правды никому, кроме судьи.

Ради них обоих.

Отец возрился на Джека с блеском в глазах, выдававшим его подозрения, что на этом дело не кончается.

Неловкое молчание нарушил зов с другого конца дома.

– Джек! – крикнула мать. – Ты где? Я наполнила сумку-холодильник для вас с ребятами. А еще полную корзинку шкварок и колбасок-буден!

– Сейчас иду!

Отец проводил его тяжелым взглядом. Выйдя в коридор, Джек испустил тяжкий вздох, и почти в тот же миг сотовый телефон в кармане завибрировал. Радуюсь возможности переключиться, Джек поднес трубку к уху.

Звонил его заместитель Скотт Нестер.

– Мы нашли человека, видевшего чертову кошку.

– Кого? Где?

– Парнишку в лодке. Он палил по одному из наших поисковых вертолетов, чтобы привлечь внимание.

– Ты уверен, что это наш объект?

– Будь спок! Он описал его как большую белую кошку с громадными зубищами. Говорит, прикончила его отца. Мы отправили поисковую партию искать труп.

Пальцы Джека стиснули трубку.

– Мальчик видел, куда направился объект?

– Он думает, на север. К Миссисипи.

– Где именно нашли мальчишку?

– У тебя есть карта?

– Могу найти.

Скотт сообщил ему координаты. Отдав еще пару распоряжений, Джек дал отбой и поспешил к буфету у задней двери, где брат хранит комплект навигационных карт. Шкаф битком набит рыболовным снаряжением, коробками для снастей и всяческими приманками ручной работы. Выуживая оттуда карту дельты, Джек уколол большой палец о крючок, затесавшийся в стопку неведомо как.

С картой в руке он выдернул цепкую блесну и вытер кровь о рубашку. Подойдя к столу, развернул карту и карандашом отметил место, где спасли мальчишку на лодке, – во всяком случае, постарался, насколько позволила старая карта. За пару лет непоседливые пески и непрестанные наводнения делают приблизительными даже лучшие карты региона. И все же он смог выискать островок, где траулер сел на грунт. И соединил места кораблекрушения и находки мальчишки отрезком прямой.

Путь указывал строго на север. В том же направлении, куда направилась пантера. Джек продлил черту пунктиром от местонахождения мальчика на север вплоть до Миссисипи.

Линия оборвалась в маленьком речном городишке под названием Порт-Сульфур. Джек отметил его на карте крестом. Знакомый городишко. «Катрина» почти сровняла его с землей. Некоторые дома снесло на добрую сотню футов от фундаментов.

Отстранившись подальше, Джек принялся разглядывать карту. Протиснувшийся в заднюю дверь Рэнди присоединился к нему.

– Ти-Боб и Пейю только что подгрести на каноэ. Это сюда мы нацелились? – указал он на крест, отмеченный на карте.

– Оттуда начнем. Соберем всех в Порт-Сульфуре и направимся на юг, к байю. – Джек смотрел на пунктирную линию. – Саблезубая пантера должна скрываться где-то вдоль этого пути.

– Тогда что ж мы тянем? – спросил брат, беря его за плечо. – *Laissez les bons temps router!*²³

Джек сложил карту. Прежде чем удастся последовать совету брата и «отжечь по полной», нужно сделать еще кое-что, выполняя вытянутое клещами обещание.

– Сперва мне надо кое-кого захватить.

²³ Зд.: В добрый путь! (фр.) Букв.: «Да покатится славное времечко!», традиционное приветствие во время Марди Гра.

Глава 11

Прибрать во дворе после шторма руки у Лорны так и не дошли.

К моменту, когда она вскарабкалась по каменным ступеням своего дома в Гарден-Дистрикт, времени на это уже не осталось. Солнце уже коснулось горизонта, так что магнолии и могучие дубы отбрасывали плотные тени. Нанесенная штормом листва и измятые цветы вкупе с несколькими разбитыми черепицами с крыши образовывали на ее заросшем газоне полотно кисти Джексона Поллока. В центре двора высился сухой каменный фонтан, увенчанный замшелым ангелом.

При виде плачевного состояния семейного особняка Лорна лишь горестно вздохнула.

Краска на крыльце вздулась и отшелушивается чешуйками. Итальянские колонны покрыты выщербинами. Даже резную дверь красного дерева не откроешь, не поднатужившись, потому что за целый век капризов погоды раму перекосило.

Вступив в схватку с дверью, Лорна все-таки одержала верх. В доме царил мрак. Брат разруливает какую-то проблему на морской нефтяной платформе в Заливе и до завтра не вернется.

Ну и хорошо.

Лорна включила свет в прихожей. Деревянная лестница справа взбирается к лестничной площадке второго этажа, а оттуда – на третий. С потолка сквозь лестничный колодец свешивается массивная люстра, вывезенная из французского замка восемнадцатого столетия. Половина ламп не горит. Чтобы поменять лампы и начистить хрусталь люстры, требуется немалое инженерное искусство.

Принесенный тяжелый кейс Лорна опустила на пол у двери, прикидывая, успеет ли принять горячую ванну. В ОЦИИВ она снова сменила костюм хирурга на свои потрепанные джинсы и блузку и сейчас отчаянно жаждала сбросить грязную одежду и принять самую горячую ванну, на которую сподобится старый водонагреватель. А то и с пеной и бокальчиком шардоне... Может же девушка помечтать!

Ночка предстоит долгая, а завтра хлопотливый день в ОЦИИВ. Там она покуда сделала все, что могла. Важнейшие анализы еще ведутся, и до утра результатов ждать не приходится. Особенно ее интересуют данные анализа ДНК дополнительной пары хромосом, имеющейся у всех спасенных животных. Кто проводил эти эксперименты и зачем? Ответы могут таиться в генетических кодах этих странных хромосом.

Не успела Лорна дойти до лестницы, как из недр дома донеслось треньканье телефона. Она бегом припустила к столику в холле. Должно быть, Джек, хотя странно, что он не позвонил на сотовый. Сердце ее забилося чаще от нетерпения услышать о планах ночной вылазки на охоту. Но как только Лорна сняла трубку и услышала голос младшего брата, звонившего с нефтяной платформы, сердце у нее упало – куда сильнее, чем следовало бы.

– Лорна, я просто проверить. Убедиться, что дом еще стоит.

– В данный момент – да. Сверх того ничего обещать не могу.

Брат хмыкнул. Должно быть, скучает там. Как водится, по телефону они проговорили дольше, чем если бы оба были дома. Находясь вместе, они старались не вмешиваться в личную жизнь друг друга, что запросто получается в доме с семью спальнями и пятью ванными.

– Я оставил сообщение чуть раньше, – доложил Кайл. – Решил, что тебя вызвали на работу. Не хотел тебе там мешать.

– Мог и позвонить. Хотя денек выдался безумный... – И она изложила ему конспективную версию случившегося.

– Господи, вот уж действительно странно.

– Знаю. У нас еще идут кое-какие лабораторные анализы...

– Нет, я имел в виду, что Джек Менар пригласил тебя на расследование. Наверное, было не по себе.

Лорна медлила с ответом. Не по себе – это лишь бледная тень урагана эмоций, которые пронесли через ее душу: вина, скорбь, стыд, гнев, а где-то глубже – некое тайное чувство, разделяемое обоими. Она представила серые, как грозовые тучи, глаза Джека, своим взглядом пробиравшие ее до костей. Правда о той треклятой ночи неизвестна даже ее младшему брату.

– Ну, хотя бы пока что ты от него отделалась, – заметил Кайл.

Голос к ней вернулся, но едва-едва.

– Это не совсем так. Я собираюсь помочь ему в поисках сбежавшего ягуара.

– В каком это смысле *помочь*? Предоставить профессиональный совет?

– Да, и отправляюсь с ним сегодня ночью на охоту.

Последовало ошеломленное молчание, окончившееся яростной вспышкой.

– Ты что, на фиг, сбрендила?! Зачем?!

Лорна оглянулась на черный кейс у двери с разобранным шприцетом.

– Хочу позаботиться, чтобы пантеру схватили живьем.

– В задницу пантеру! Ты отправляешься в болото с членом семьи, которая с радостью скормила бы тебя аллигаторам.

Объяснить, почему можно не опасаться Джека, Лорна не могла.

– Все в порядке. Мы будем там не вдвоем, а с целым поисковым отрядом. Беспокоиться не о чем.

– Лорна, не ходи. Или хотя бы дождись моего возвращения. Я буду завтра и отправлюсь с тобой.

– Нет. Ягуары – ночные животные. Сегодня ночью самка будет охотиться. Это наш лучший шанс поймать ее, пока она не убила еще кого-нибудь.

– Лорна...

Тут ожил телефон у нее в кармане.

– Мне звонят.

– Подожди, пока я вернусь, – поспешил сказать брат, прежде чем она дала отбой.

– Поговорим утром. – Положив трубку, она выудила мобильник. – Доктор Полк. Слушаю.

– Ты готова? – послышался голос Джека. Его бесцеремонность тотчас же заставила ее напрячься. В трубке слышался знакомый вой вертолета.

– Конечно.

– Можешь встретить нас в порту позади Одюбоновского зоопарка?

– Могу быть там через пятнадцать минут. Какой у нас план?

– Заберем тебя на «вертушке». Я назначил сбор в Порт-Сулфуре.

Расслышав в его голосе напряжение, Лорна поняла, что Джек чего-то недоговаривает.

– Что стряслось?

– Ее видели. Твоя кошка недавно напала на кого-то. Посреди байю. Труп мы нашли минут пять назад – на дереве, завернутым в испанский мох. Череп раздроблен, рука оторвана.

У Лорны перехватило дыхание. Опоздали...

– В последний раз говорю, – не унимался Джек. – Моя команда вполне способна справиться самостоятельно. Тебе нет причин идти с нами.

Лорна снова бросила взгляд на ружейный чемодан в холле. Джек ошибается. Теперь у нее целых *две* причины. Она по-прежнему хочет захватить пантеру живой, но теперь ее поведение начало тревожить Лорну, еще сильнее побуждая выследить животное. Ягуар не залег на день, как она надеялась, а продолжает двигаться. Но куда?

– Джек, я иду, и спорить – лишь терять время попусту. Чем быстрее мы вытروпим эту пантеру, тем меньше жизней подвергнется угрозе.

В трубке послышался его тяжкий вздох.

– Будь в порту через пятнадцать минут и ни минутой позже. Как ты сама сказала, время терять нельзя.

Он дал отбой.

Лорна бегом припустила к двери. Придется обойтись без горячей ванны. Подхватив кейс, она рванула входную дверь. Солнце уже коснулось горизонта. Скоро стемнеет.

Уже сбегая по ступеням крыльца, она ощутила укол сомнения.

«Что я творю?!»

Озабоченность брата, предостережение Джека... она отбросила и то, и другое, но собственные тревоги уже укоренились в душе, найдя плодородную почву. Она ветеринар, а не охотник на крупную дичь.

И все же даже не замедлила шага, направляясь к «Бронко» брата, припаркованному у бордюра. Она уже промешкала однажды, позволив страху взять над собой верх, и это стоило жизни мальчику.

Но не в этот раз... и вообще больше никогда.

Глава 12

Когда солнце начало садиться, вертолет морской пехоты заложил вираж от Миссисипи к небольшому городку Порт-Сульфур. В воздухе не было ничего настолько интересного, чтобы отвлечь Лорну от переживаний по поводу режима транспортировки. Если так пойдет и дальше, она может даже привыкнуть к путешествиям по воздуху, но куда потные ладони и неглубокое частое дыхание говорили, что упомянутая адаптация наступит еще не скоро.

Чтобы абстрагироваться от страхов, Лорна сконцентрировалась на разворачивающемся внизу пейзаже, примечая ориентиры и прикидывая, сколько еще предстоит оставаться в воздухе.

Показавшийся внизу Порт-Сульфур нетрудно было и проглядеть – площадь едва ли шесть квадратных миль, огражден от стихий системой обветренных, потрепанных дамб. Некогда здесь был суровый рабочий поселок, служивший порто-франко, специализировавшимся на сере, но в девяностых, когда добычу и переработку сере прекратили, поселок начал малопомалу приходить в упадок, ожидая лишь, когда «Катрина» напишет ему эпитафию. Пронесшаяся через городок двадцатидвухфутовая стена воды едва не смыла его напрочь. Из примерно трех тысяч жителей в свои подтопленные дома вернулась лишь ничтожная горстка.

Если бы Лорна не разглядывала пейзаж внизу с таким усердием, она бы запросто прозевала поселок, промелькнувший под ними за считанные секунды, после чего вертолет снова полетел над водой – широким мелководным озером под названием Бей-Лано, быстро снижаясь. Полет был недолгим – сорок миль по прямой, как ворон летит, от Нового Орлеана менее чем за пятнадцать минут. Но как ни краток он был, Лорне уже не терпелось покинуть винтокрылую машину.

Пребывая на взводе, она чуть подскочила, когда в наушниках раздался усиленный голос Джека, сидевшего впереди, рядом с пилотом. Она же расположилась позади вместе с двумя пограничниками. Оба представились, но Лорна уже забыла их имена, изо всех сил сосредоточившись на том, чтобы удержать вертолет в воздухе одной лишь силой воли.

– Мы пойдем на пограничном катере по протоке к югу от озера, – пояснил Джек. – В этой миссии катер будет играть роль оперативной базы. Два небольших аэроглиссера пойдут по бокам, проводя рекогносцировку в маленьких рукавах и протоках по обе стороны. А в случае, если понадобится, для более тесных участков у нас есть пара каноэ.

Лорна окинула взглядом собравшуюся флотилию из вертолета, коснувшегося поплавок воды. С поверхности озера только что взмыл второй вертолет, покрупнее, доставивший остальную часть команды Джека вкуче с кое-какими местными умельцами. Пограничный катер поблизости был вроде бы тот же, что и раньше, – перехватчик класса «Интерсептор», предназначенный и для речного, и для морского судоходства. Подальше кружила пара небольших аэроглисеров, стремительно скользивших над водой под действием громадных винтов.

Как только они приземлились, воцарился сущий хаос: людей и оружие переправляли с вертолета на суда. Выбравшись на палубу пограничного катера, Лорна обнаружила, что только путается под ногами у крупных суровых мужчин, пахнущих дешевым одеколоном, кожей и ружейным маслом. Вокруг звучали грубые голоса, раздавались взрывы хохота.

Наконец она забила в тихий закуток, вдали от торнадо тестостерона.

Поблизости полдюжины мужчин в темно-зеленых рубашках и брюках из спецгруппы реагирования Джека готовили оружие – пистолеты, дробовики и автоматы. Поверх касок на них были очки ночного видения. Испытывать судьбу никто не собирался.

С другой стороны на корме расположились трое других мужчин в охотничьих жилетах и джинсах, сидевших на перевернутых каноэ. Лорна узнала в этих плоскодонных долбленках каджунские пироги. Все трое – двое черных, один белый – смахивали на матерых бродяг, явно

принадлежа к числу каджунов из заводов. Один смутно напоминал Джека – наверное, родственник. Встречаясь с Томми, Лорна так и не успела познакомиться со всеми представителями клана Менаров.

Последний член охотничьего отряда приблизился к ней, приплясывая, вывесив язык и виляя хвостом. Даже пес – чистокровный блаухаунд – держался с какой-то веселой бесшабашностью, искорками плясавшей у него во взгляде, как и положено истинному каджуноу.

– Берт, – шепнула она, вдруг вспомнив счастливые времена. Хоть со старшим братом Томми она и не встречалась, зато познакомилась с лучшим охотничьим псом семейства.

Джек упоминал, что захватит на охоту ищейку, но у нее и в мыслях не было, что это окажется Берт.

Радуюсь дружескому приему хоть от кого-то, она опустилась на корточки, чтобы ответить на собачью ласку взаимностью. Пес подпрыгивал, роняя слюни. Лорна протянула руку, чтобы почесать его за одним из невероятно длинных ушей, но тут резкий окрик заставил обоих оцепенеть.

– Берт! Сейчас же тащи свою жопу сюда! Оставь эту *bonne à rien*²⁴ в покое.

Оглянувшись через плечо, Берт повесил хвост и неохотно, бросив на Лорну чуть ли не виноватый взгляд, повернулся и затрусил к троице у каноэ.

Рывкнувший на пса поглядел на нее волком – тот самый, что похож на Джека, наверное, родственник. Лорна не поняла, как он ее обозвал – *bonne à rien*, но по презрительной интонации догадалась, что это отнюдь не комплимент.

Джек в это время разговаривал со своим заместителем, но тут же стремительно развернулся и подошел к родственнику. Сграбастал за грудки фланелевой рубашки и подтащил к себе, оказавшись с ним нос к носу.

– Если я еще хоть раз услышу, что ты разговариваешь с доктором Полк в подобном тоне, вышвырну твою задницу за борт. Хоть ты мне и брат. Она здесь по моей просьбе. Так что попрдержжи язык или проваливай с катера.

Лорна вгляделась в обоих более пристально. Брат? Она взглянула на второго по-новому. Значит, это Рэнди, старший брат Джека и Тома. Когда она встречалась с Томом, он сидел в тюрьме, угодив на год за пьяную драку в пабе на Бурбон-стрит. И то, что он сцепился с полицейским, нашедшимся не при исполнении, смягчению приговора отнюдь не способствовало.

Рэнди хотел было заспорить, даже положил ладонь Джеку на грудь, чтобы оттолкнуть брата, но прочел в его взгляде нечто эдакое, отчего руки его тут же опустились. Попятившись на шаг, он передернул плечами, словно помимо воли признавая правоту брата.

– Ты начальник, младшой.

Не удовлетворившись этим, Джек держал его еще секунду-другую, все нагнетая напряжение. И наконец Рэнди спасовал.

– *Mais oui!*²⁵ Ладно... Да слышал я, слышал!

Отпустив его, Джек оглянулся на Лорну с таким же виноватым видом, как и пес. Брат его вернулся к друзьям. Все трое перебрались еще дальше, за свои каноэ. Окончив отдавать распоряжения заместителю, Джек присоединился к Лорне.

– Извини за это. Пошли. Пока ты не спровоцировала еще какие-нибудь неприятности, давай покажу тебе план сегодняшних поисков. Может, поделишься советом. Ты ведь здесь для этого, не так ли?

Его угрюмый тон несколько задел Лорну, но она прикусила язык, направившись вслед за ним к ходовой рубке катера. Когда Джек вежливо распахнул перед ней дверь, Лорна с удивлением обнаружила, что в рубке работает кондиционер, и после изнурительной вечерней жары

²⁴ Никчема, неумеха (фр.).

²⁵ Ну да (фр.).

воздух там показался чуть ли не морозным. Солнце уже село, но небо на западе еще рдело оранжево-розовыми тонами.

Джек подвел ее к штурманскому столу. Кроме них, в рубке находился только рулевой, одетый так же, как все люди Джека, – в полевую пограничную форму, только без каски. Катер уже пересекал Бей-Лано. Пульсация двигателя передавалась Лорне через палубу сквозь подошвы туристских ботинок. Впереди полосой протянулась опушка леса байю, казавшегося непроходимым и сумрачным.

– Вот наш маршрут, – Джек положил ладонь на карту, прикрепленную к столу, и повел пальцем вдоль линии на карте. – По нашим прикидкам, после шторма кошка выбралась на берег подле Бей-Джо-Уайз и оттуда двинулась прямо на север. – Его палец остановился. – Здесь мы спасли мальчишку. Пантера за короткое время покрыла немалое расстояние.

Лорна уже выслушала подробности фатального столкновения. Она набрала в грудь побольше воздуха, радуясь возможности опереться на свои профессиональные знания.

– Ягуары охотятся на обширных территориях, – начала она. – Вот почему она двинулась в путь. Она генетически предрасположена продолжать движение, пока не найдет место, способное, по ее мнению, полностью ее обеспечить.

– Значит, она может продолжить движение?

– Определенно. Эта склонность к миграциям – одна из причин того, что в дикой природе ягуары оказались под угрозой вымирания. Люди вторглись в их родные джунгли и леса, разделяя их на части. А такой сильный порыв к странствиям заставляет их покидать леса, напарываясь на смертельные стычки с людьми.

Лорна читала о запуске природоохранного проекта по созданию цепочки диких лесов, протянувшейся через целый континент от Мексики до Южной Америки – обширной территории, где популяция ягуаров может свободно разрастаться и мигрировать. Его называли «Paseo de Jaguar», то есть «Тропа ягуара».

Она принялась разглядывать карту, пытаясь определить *paseo* данного конкретного ягуара. И наткнулась на одну важную подсказку.

– Давай также не будем забывать, что у нее есть детеныш, – продолжала Лорна. – Значит, она будет искать местность, богатую пропитанием, достаточно богатую *для них обоих*.

Джек стоял с ней бок о бок, тоже внимательно изучая карту.

– Но где? Если она продолжит путь на север, то пройдет между Адамс-Бей и озером Вашингтон. Это самое сердце края байю. Где же нам начинать поиски?

– Начнем с ее кормовой базы. Байю – идеальная среда для ягуаров. Как правило, они охотятся близ водных путей. Фактически говоря, изрядную часть их диеты составляют морепродукты. Черепахи, рыба, кайманы.

– Парнишка, которого мы спасли, говорит, что она взломала несколько крабовых ловушек, – повернулся к ней Джек.

– Ягуары – не слишком разборчивые хищники. Едят, что подвернется. Могут даже завалить корову или взрослую лошадь. – Заметив недоверчивое выражение лица собеседника, Лорна пояснила: – Они – идеальные машины-убийцы. В то время, как тигры и львы разрывают жертве горло, ягуары убивают, сокрушая ей череп. У них самые сильные челюсти среди крупных кошек. Полагают, что толчком к их развитию послужила необходимость ягуарам разламывать твердые, как сталь, черепахи панцири.

– Если им нравятся черепахи, то в байю их хватает. Иловые, каймановые, красноухие и всяческие помельче.

– Да, но они мелкие и водятся не в таком изобилии, как требуется нашему ягуару. С ее массой тела она будет искать более обильную и легкодоступную кормовую базу. И не остановится, пока не найдет ее.

Внезапно Джек рядом с ней напрягся.

– Что? – спросила Лорна.

Склонившись ближе к карте, он провел пальцем вдоль нарисованной от руки линии, осматривая участки по обе стороны от нее. Его палец остановился и постучал по надписи «Байю-Кук».

Выпрямившись, Джек посмотрел на Лорну.

– Насколько острое у ягуаров чутье?

– Крайне острое. Они охотятся по большей части по ночам и потому должны уметь отыскивать добычу по запаху.

– Как по-твоему, с какого расстояния они способны учуять запах?

– Трудно сказать. Зависит от источника запаха, его силы, направления ветра. – Лорна покачала головой. – Уйма факторов. При подходящих условиях может быть за много миль.

– Значит, если от какого-то места пахнет очень сильно и ветер дует в нужном направлении, он может привлечь пантеру. Даже за многие мили.

– Разумеется. Но это должен быть запах, в котором пантера распознает источник пищи.

– Ты же сказала, что ягуары питаются не только черепахами и рыбой, но и кайманами. А их южный собрат – миссисипский аллигатор.

– Верно.

– Значит, если имеется концентрированный источник подобного пропитания, место, которое пахнет по-настоящему сильно...

– Оно определенно привлечет ее.

Выдернув карту из-под зажимов, Джек показал ее рулевому, ткнув пальцем:

– Вот куда мы направляемся. Байю-Кук. Радируй аэроглиссерам, дай знать об изменении планов. Идем напрямиком туда.

– Есть, сэр.

Джек вернулся с картой в руке.

– А что такого в Байю-Кук? – поинтересовалась Лорна.

– Туристический комплекс. Привлекает экскурсантов круглый год, по большей части с круизных лайнеров, заходящих в Новый Орлеан. В экскурсию входит турне по болотам, поездка на аэроглиссере, а в самом конце – визит в Байю-Кук.

– И что же там?

Джек уставил на нее тяжелый взгляд, полный несокрушимой уверенности.

– Аллигаторовая ферма дядюшки Джо.

Глава 13

Дети дядюшке Джо не очень-то по душе, но экскурсионные группы приносят хорошие денежки.

Он стоял на крыльце своего дома, а на перилах красовалась высокая заиндевевшая бутылка «Будвайзера». С заходом солнца после палящего дня волглый зной будто только усилился. Уж так оно тут всегда. Первый час после заката жара вроде как не хочет уходить, злоупотребляя гостеприимством. Но с наступлением ночи мало-помалу идет на убыль, дышать становится полегче.

Он любит эту пору ночи.

Да и пиво способствует.

Сделав изрядный глоток, дядюшка Джо окинул взглядом тридцать акров своих владений. На дальней стороне в девственном кипарисовом лесу вырубил поляну, устроив там кемпинг. Сейчас он занят отрядом бойскаутов из Батон-Руж, снявшим его на целую неделю. Между палаток теплятся костры, по всему лагерю развешаны гирлянды фонариков. В вечернем воздухе звенит хоровое пение под аккомпанемент взрывания лягушек-быков да время от времени уханья сов и утробного рычания аллигаторов.

Между его бревенчатым домом и кемпингом расположились восемь прудов и ямы аллигаторовой фермы. Еще у него выставлена рысь и мелкий прудик с Джиппером – гигантской каймановой черепахой. Ферму во всех направлениях пересекают приподнятые пешеходные мостки и смотровые площадки.

Джо обозрел все это с гордостью. Расширение фермы от единственного прудика с парой-тройкой племенных аллигаторов до уникальной достопримечательности байю обошлось более чем в полмиллиона, но за один лишь прошлый год он покрыл эти вложения втрое.

Конечно, часть денег в кубышке. Как смотритель, он не должен продавать аллигаторов на шкуры и мясо, но подмазать местных блюстителей, чтобы они смотрели сквозь пальцы, стоило не так уж дорого. А некоторые богатые рыболовы считают свежесделанными детенышами аллигаторов лучшей наживкой на морского окуня.

На дальнем конце фермы двое часовых из местной милиции с винтовками на плечах патрулировали мостки; Джо нанял их сегодня, когда до него дошли слухи, что близ побережья видели крупную кошку. Его предупредили по радио, что надо провести эвакуацию, но Залив-то эвона где, а с этой эвакуацией он бы потерял тысячи на депозитах и аренде кемпинга от одного лишь отряда скаутов.

И потом, предупреждение есть предупреждение, а не приказ. Он и «Катрине»-то не позволил согнать себя с места, так что уж говорить о какой-то дикой кошке. Чтобы оправдать свое решение, дядюшка Джо нанял четверых из уездного департамента шерифа. В эти трудные времена всякий не прочь подработать на стороне.

Сзади послышались приближающиеся шаги.

– Папа, пойду покормлю Элвиса.

Он оглянулся на дочь, пересекающую крыльцо, держа блюдо с горкой куриных тушек.

– Не перекармливай. У нас на утро намечено представление для лагерников. Хочу, чтобы он был голодный.

– Не могу я заставлять старичка голодать, – ласково укорила она его.

Джо лишь махнул рукой, чувствуя прилив любви и гордости за единственное дитя. В двадцать два года Стеллу приняли в бизнес-школу Тулейнского университета. Она первая из его рода попала в колледж. Специализировалась на МБА, но заодно прошла курс природоохранного права. Если его усердие здесь на ферме подстегивает корысть, то она-то уж настоящий защитник окружающей среды. Ей ведомо про его подковерные делишки, но голова у нее на

плечах славная. Здесь ведь Луизиана. Без закулисных сделок ничего не обходится. Опять же, многие из своих несправедливых барышей он вкладывает прямоком обратно в ферму и ее многочисленные природоохранные программы.

Стелла спустилась по ступенькам крыльца к первым мосткам, протянувшимся через пруды. Сзади снова слышались шаги, сопровождавшиеся легким сотрясением половиц. К Джо присоединилась жена, вытирая свои пухлые руки кухонным полотенцем. Взяв его бутылку пива, слегка встряхнула, чтобы прикинуть, сколько там еще осталось, а потом извлекла из кармана фартука свежую и вручила мужу.

– Спасибо, Пег.

Жена устроилась рядом, опершись локтями о перила и потягивая остатки его выдохшегося пива. Она женщина дебелая, но ему такой и нравится. Джо и сам не мозгляк, брюшко с каждым годом все больше нависает над брючным ремнем, да и плешь под бейсболкой Луизианского госуниверситета ничуть не отстаёт от живота.

– Ей бы так не заголяться, – проворчала жена.

Провожая взглядом Стеллу, направлявшуюся к центральному пруду, Джо разделял озабоченность жены. Надела только обрезанные шорты да блузку, завязанную на голом животе узлом. Даже обуться не потрудились. А она явно не унаследовала от них генов ожирения – сплошь мышцы да соблазнительные изгибы и длинные белокурые волосы, эдакая Венера из байю. Джо прекрасно известно, какое это оказывает впечатление на местных парней. Впрочем, она на них ноль внимания, фунт презрения.

Правду сказать, шансы, что доведется сменить название фермы с «дядюшки Джо» на «дедушки Джо», раз-два и обчелся. Похоже, парни Стеллу не интересуют. Она только и говорит что о своей подружке в Тулейне – девице по имени Сандра, носящей косуху и кожаные сапожки.

Впрочем, может, это только период такой.

Джо сделал изрядный глоток из горлышка.

Вот если бы она встретила подходящего парня...

– Ну-ка, здоровяк, кто у нас тут хочет покушать на ночь?

Стелла стояла на смотровой площадке над самым большим из прудов фермы, освещаемым единственным фонарем на столбе. Черная вода внизу просто отражала свет, скрывая то, что таится под ее поверхностью. Стелла одной рукой открыла щеколду калитки, балансируя блюдом с куриными тушками на ладони второй. Она только что забила четыре курицы собственными руками. Еще не остывшая кровь, переполнив блюдо, потекла по руке.

Поморщившись, Стелла прошла вперед по голой доске, протянувшейся над прудом, будто трамплин для прыжков в воду. Дойдя до конца доски, наклонилась, увидев в пруду собственное отражение.

Гладь воды не нарушала даже легчайшая рябь, но она знала, что Элвис там. Матерый аллигатор прожил на ферме дольше, чем любой из них; он один из первоначальных обитателей пруда для разведения, находившегося здесь, когда папочка только-только купил землю. А поскольку отловили его на воле, точного возраста Элвиса не знал никто, но команда биологов оценила возраст лет в тридцать. Ученые приезжали взять образцы крови у обитателей пруда. Очевидно, белок, обнаруженный в крови аллигаторов, может дать начало многообещающему новому поколению антибиотиков, убивающих даже резистентные супермикробы.

Но даже биологи не пытались подступить к Элвису, достигающему восемнадцати футов в длину и весящему порядком свыше полутонны. С Элвисом не связывается никто. Пережив свой продуктивный возраст, теперь он владеет всем прудом безраздельно и предпочитает, чтобы так оно и оставалось.

Он явно избалован.

Поставив блюдо рядом, Стелла опустилась на конце доски на корточки. Взяв одну окровавленную тушку, вытянула руку над водой. Кровь с негромкими всплесками закапала в воду, поднимая миниатюрную рябь, разбегающуюся кругами.

Стелла замерла, но долго дожидаться ей не пришлось.

С дальней стороны пруда возникла новая рябь, расходящаяся треугольником, нацеленным на Стеллу. Виднелся лишь самый кончик рыла аллигатора, плавно скользивший к ней – неспешно, но решительно. Позади небольшие водовороты отмечали удары массивного хвоста Элвиса, по-прежнему скрывающегося под водой. Именно этим движением, почти сексуальными извивами тела, аллигатор и заслужил свое прозвище.

– Ну же, Элвис! Не всю же ночь мне ждать, – тряхнула Стелла курицей.

И тут он исчез, словно это требование его отпугнуло. На глади воды не осталось ни морщинки. Стелла напряглась. Какое-то движение, пойманное уголком глаза, привлекло ее внимание к противоположному берегу пруда. Нечто яркое, замеченное лишь мельком, скользнуло через лес, отразив лунный свет, а затем снова исчезло во тьме. Стелла вгляделась туда, уже начиная сомневаться, что вообще что-то видела. В болотном краю ходит масса баек о призраках, обычно из-за свечения болотного газа, который каджуны называют *feu follet*, то бишь «сумасбродный огонь».

Но это не болотный газ.

Стелла с прищуром вглядывалась, напрягая и зрение, и слух, – а затем вода прямо под ней вдруг изверглась фонтаном, взмыв вверх вместе с полутонной мышц в бронированной оболочке. Массивные разинутые челюсти, унизанные иззубренными желтыми зубами, протянулись к ней – достаточно близко, чтобы Стелла могла наклониться и похлопать чудище по носу.

Элвис мог бы выпрыгнуть из воды куда выше, оторвав от нее даже задние ноги. Стелла бросила курицу в эту разверстую пасть, захлопнувшуюся с отчетливым щелчком. Сила тяжести взяла свое, снова увлекая Элвиса вниз. Тяжело плюхнувшись, он ушел под воду вместе со своим трофеем.

Стелла бросила в воду еще двух кур. Обычно, чтобы привлечь аллигатора к корму, требуется какое-нибудь движение, но Элвис привык к кормлению с рук. Он выловит две других тушки, когда вздумается. Помня просьбу отца, четвертую курицу она оставила на блюде.

Покончив с кормлением, Стелла подхватила блюда и повернулась, чтобы уйти, но калитку загородил какой-то крупный силуэт. Вздвогнув от испуга, она попятилась на шаг, едва не свалившись с конца доски.

Но это оказался один из наемников папочки, вооруженный дробовиком армейского образца двенадцатого калибра. Закинув ружье за спину, он прислонился к столбику калитки.

– Кормишь зверюгу, а? Гляжу, у ты там лишняя кура.

Говоривший переместился, попав под свет фонаря. Лет на десять старше ее, здоровенный, прямо бык, вот только опустившийся до свинского состояния. Нахлобученная на голову грязная стетсоновская шляпа почти не в силах скрыть его сальные космы грязно-бурых волос. Держа в уголке губ зубочистку, он говорил лишь половиной рта, положив руку на толстую поясную пряжку в виде бычьих рогов.

Насупившись, Стелла двинулась к калитке.

– А разве тебе не надо патрулировать? Папочка платит тебе за это.

Тот оперся ладонью о бедро, совершенно загородив ей выход.

– Будь славной девочкой, ступай в дом да поджарь мне эту куру, лапуля.

Он облапал ее взглядом с головы до ног, словно интересовала его не только курица. В душе Стеллы всколыхнулось омерзение, но сдобренное толикой страха. И вдруг она остро ощутила, в каком шатком оказалась положении – не только из-за откровенного наряда, но и в буквальном смысле на этой хлипкой доске.

Да притом этот человек достаточно хорошо ей знаком, чтобы внушать страх. Гарленд Чейз – более известный в здешних краях как Гар, потому что жутко похож на гара, мерзкую змееподобную шуку, сущий бич окружающих болот, – сын шерифа, а в уезде Пасквамиш всякому известно, что папуля сквозь пальцы смотрит на не вполне законные махинации сыночка, включая рэкет. Отец Стеллы добровольно выплачивает ежемесячные взносы в «фонд сирот полицейских», отправляющиеся прямым ходом в карман этой задницы.

– Мой папаша платит тебе за ночной дозор уйму денег, – отрезала она. – Мог бы прихватить собственный ужин.

С напускной отвагой, которой вовсе не чувствовала, Стелла гордо выпрямилась и направилась к калитке. Еще не хватало позволить ему запугать себя. Гар отступил, но лишь на шаг. Девушка попыталась протиснуться мимо него, но в последний момент он снова перекрыл ей путь толстой ручищей и наклонился к ней. Стелла почуяла дыхание, разившее спиртным.

– Чё за дела? Лесби, чё, готовить не умеют? – спросил он. – Или стряпает токо твоя подружка? Те настоящего мужика не хватает... шоб научил тя на задних лапках бегать, как положено доброй жене.

В мгновение ока ее страх обратился в ярость.

– Да я лучше с Элвисом трахнусь!

Мужлан набычился, его жирные губы расплылись в ухмылке.

– Мож, я и кину тя туда, шоб попробовала. В болотах несчастья бывают что ни день.

Стелла понимала, что это не пустая угроза. С него станется. Гар со своими корешами уже устраивали подобные несчастные случаи. Именно по этой причине ее папочка всегда платит дань вовремя.

Она оттолкнула его руку, но Гар не отстранился, устремив на нее гнусный, зверский взгляд.

И в этот миг поднялся крик – громкий, визгливый, полный ужаса.

Оба обернулись.

Он доносился от лагеря бойскаутов.

Глава 14

Лорна сидела в полном одиночестве на баке пограничного катера, плавно скользившего по узкой протоке, обрамленной древними кипарисами. Негромкий рокот двигателя убаюкивал ее. Она и не догадывалась, что так устала, пока не выпала минутка передышки. И сейчас наслаждалась отдыхом, глядя на раскинувшиеся вокруг пейзажи байю.

В полумиле слышался более надрывный вой двух аэроглиссеров, ушедших вперед. Их прожекторы мелькали во тьме, как блуждающие огоньки. Поближе среди ветвей мерцали светлячки, выписывая над протокой замысловатые узоры, будто в предостережение.

Лорна вслушивалась в дыхание болота вокруг. Плеск воды среди корней кипарисов, перешептывание листьев в долетающем океанском бризе – и все это под неумолчное кваканье лягушек-быков, крики сов, ультразвуковые пiski охотящихся летучих мышей. А за всем этим ощущалось дремотное бытование вне времени, некая первобытная сущность, осколок изначального Эдема.

– Проголодалась?

От этого вопроса она прямо подскочила, совсем забывшись, с головой уйдя в собственные раздумья. Лорна выпрямилась, учуяв разлившийся в воздухе дивный пряный аромат, резкой нотой пробившийся сквозь затхлый болотный дух.

Подошедший Джек держал каску под мышкой одной руки, а в другой – пластиковую миску.

– Раковое гамбо²⁶. Надеюсь, тебе нравится окра.

– Какая же была бы я южанка, если б она мне не нравилась?

Лорна с благодарностью приняла миску, с удивлением обнаружив, что в супе плавают пара кусков *pain perdu*²⁷. Мать делала их каждое воскресное утро, замачивая черствый хлеб на ночь в молоке с корицей, а после поджаривая на сковородке. Аромат разносился по всему дому. Она бы никогда не подала *pain perdu* с гамбо.

Лорна с сомнением подцепила тост ложкой.

– Рецепт моей *grand-mère*²⁸. Попробуй, – проговорил Джек с угадывающейся в голосе усмешкой.

Лорна отведала кусок размокшего хлеба.

– О, боже... – и поневоле прикрыла глаза, едва не сомлев от сочетания горячего гамбо и сладости корицы.

– Мы, каджуны, знаем толк в стряпне, – ухмылка из его голоса переключалась на губы.

Пока Лорна прокладывала ложкой путь ко дну миски, Джек присел рядом. Поначалу они молча сидели бок о бок, но мало-помалу молчание стало неудобным. Слишком уж много недосказанного оставалось между ними, злое призраки прошлого во мраке и безмолвии болот обрели плоть, сгрудившись вокруг.

Наконец Джек нарушил напряжение. Будто испытывая нужду отогнать тьму, он взмахом руки схватил промелькнувшую мимо вспышку света. Раскрыв ладонь, показал крохотного светлячка – уже потемневшего, утратившего свое волшебство и ставшего снова просто крохотной крылатой букашкой.

²⁶ Гамбо – традиционное блюдо луизианской кухни, густой суп из мяса или морепродуктов с овощами, по консистенции напоминающий гуляш. Окра, она же бамия, или дамские пальчики, – овощная культура, часто используемая в рецепте гамбо.

²⁷ Французский тост (фр.).

²⁸ Бабушка (фр.).

– Если моя *grand-mère* была грандиозной поварихой, то мой *grand-père*²⁹ был немного знахарем. У него были домашние снадобья всякого рода. Купание в отваре клоповника, чтобы утолить боли. Если у тебя жар, спи под кроватью. Он давил светлячков и делал из них притирание на зерновом самогоне. Утверждал, что помогает от ревматизма.

Джек дунул на букашку, снова устремившуюся в полет, ярко мигая и переливаясь.

– До сих пор помню, как он разгуливал ночью по дому в подштанниках, с плечами и коленями, намазанными этим светящимся месивом.

Лорна не удержалась от теплого смешка.

– Твой брат однажды упоминал об этом. Сказал, что напугался до полусмерти.

– Помню. *Grand-père* покинул нас, когда Тому было всего шесть. Тот был слишком мал, чтобы понять. Конечно, не очень способствовало и то, что когда мы видели в байю вспышку болотного газа, я ему говорил, что это призрак *grand-père* пришел за ним.

Она улыбнулась этим двум воспоминаниям, наложившимся друг на друга, сосредоточившись вокруг Тома. И снова они погрузились в молчание. В том-то и проблема с пребыванием в компании Джека. О чем бы они ни говорили, персональный призрак продолжает преследовать их.

В этот момент молчание могло раздавить их, оттолкнуть друг от друга, но Джек остался. Между ними было еще очень много несказанного, ждавшего объяснения годами. Голос его стих, став едва ли громче дыхания, но Лорна все равно расслышала в нем боль.

– Я должен спросить... ты когда-нибудь жалела о своем решении?

Лорна напряглась. Она ни разу не говорила ни с кем об этом вслух, во всяком случае, напрямую. Но если кто и заслужил честный ответ, то это Джек. У нее перехватило дыхание. Она тотчас перенеслась в то мгновение, когда одна в ванной смотрела на полоску теста на беременность. Как всегда, прошлое находилось всего в одном биении сердца от нее.

– Будь у меня возможность отыграть обратно, – проронила она, – я бы так и сделала. И не только ради Тома. Дня не проходит, чтобы я не думала об этом. – Ее ладонь опустилась к животу. – Мне надо было проявить силу.

Джек выждал половину вдоха, явно взвешивая, что и сколько сказать.

– Вы с Томом были совсем детьми.

– Мне было пятнадцать, – чуть заметно тряхнула она головой. – Достаточно взрослая, чтобы соображать. И до, и после...

Они с Томом вступили в близость после весенних танцев в садовом сарае у нее за домом. Они были глупы и влюблены друг в друга, встречались почти год. Оба были еще невинны. Сближение оказалось болезненным, да вдобавок оба оказались к нему не готовы ни физически, ни нравственно, веря в разную чушь. Типа никто не залезает с первого раза.

Но когда Лорна пропустила месячные, а потом тест подтвердил беременность, этот предрассудок разлетелся вдребезги. Суровая реальность и ответственность обрушились на них полным весом. Оба помалкивали о связавшем их ужасном секрете. В течение следующего месяца Лорна выгребла из аптеки соседнего городка практически весь запас тестов. Молилась на коленях каждую ночь.

Что им было делать?

Она была не готова к рождению ребенка, к роли матери. Тома страшила возможная реакция родителей. Да вдобавок Лорна была воспитана в католических традициях, получив первое причастие в соборе Святого Людовика. Казалось, выхода нет, особенно если ее родители узнают правду.

Том предложил решение. В соседнем уезде есть акушерка, делающая тайные аборты. И не какой-нибудь там вязальной спицей. Она прошла обучение в клинике планирования семьи

²⁹ Дед (фр.).

и, вооружившись полученными знаниями вкупе с кое-какими инструментами и медикаментами с черного рынка, устроила импровизированную клинику в старом доме в дельте. Бизнес у нее просто процветал. И не только за счет напуганных подростков, но и благодаря неверным супругам, жертвам изнасилований и всем остальным, кому требовалось сохранить секрет. Таких в Южной Луизиане хватает с лихвой. В этих краях есть неписаный закон: пока ты об этом не заговоришь, этого не было. В конечном итоге такова истинная власть байю. В темных хлябях болот легко похоронить навеки любой секрет.

Но было бы заблуждением считать такие секреты погибшими воистину. Кому-то же приходится с ними жить. И зачастую то, что казалось погребенным навеки, всплывает на поверхность снова...

И в лице, и в осанке женщины Джек читал горе, выписанное четкими буквами. Надо было держать рот на замке. Здесь не место ее расспрашивать, вгонять ей в сердце этот кол. В этой истории ему и своего бремени более чем достаточно. Может, потому-то и пришел, чтобы изыскать какой-нибудь способ простить себя самого.

– О беременности Том и словом не обмолвился, – нарушил Джек молчание. – Даже мне. Комната у нас была общая, и я знал, что дело неладно. Он ходил угрюмый и притихший, слонялся по дому так, будто ждал, когда кто-нибудь даст ему по башке. Пока не позвонил тем вечером, полупьяный, в слезах... наверное, хотел получить отпущение грехов у старшего брата.

Лорна обернулась к нему. Эту часть истории она еще не слыхала.

– И что он сказал?

Джек потер щетину на подбородке. Хруст раздался настолько громкий, что он отдернул руку, снова опустив ее на колено.

– Ты в это время была у акушерки. В ожидании он наведлся в захолустную самогонку и там набрался.

Лорна уставилась на него, ожидая продолжения. Он знал, что с *этой* частью истории она уже хорошо знакома.

– Я едва разбирал, что он говорит, – продолжал Джек. – Он тебя обрюхатил. Это было ясно.

– Виноват не только он, – вставила Лорна.

Кивнув, Джек повел рассказ дальше:

– Сознание вины прямо выворачивало Тома наизнанку. Он был уверен, что погубил твою жизнь. Уверен, что ты его возненавидишь. Но острее всего переживал, что вроде как погнал тебя туда. Что так неправильно. Но теперь слишком поздно.

– Я знала, что он напуган... как и я, – оглянулась она на Джека. – Но не знала, что он терзается. Он держал это под спудом.

– Уж так у каджунов заведено. *Joie de vivre*³⁰. Уныние надо держать в себе, особенно мужчинам. Наверное, потому-то Том и напился. Не мог удержать его без анестезии.

– Когда я вышла и обнаружила, что у него заплетается и язык, и ноги, я так разозлилась, – нахмурилась Лорна. – Мне было больно, я едва соображала от седативов, а тут он, пьяный... Я орала на него, вызверилась по полной. Мы планировали после процедуры отправиться в отель. Мои родители думали, что я ночую у подружки. Все было распланировано. Но когда я нашла его в таком виде, то решила, что нам придется провести ночь в кузове его пикапа, пока он не протрезвеет.

Джек почувствовал, что горло у нее перехватило, и понял почему.

– Но Том пил не один.

– Да.

³⁰ Радость жизни (*фр.*).

В это время Джек уже несся через уезд на мотоцикле. После пьяного звонка он понял, что брату нужна помощь. Уж вести он определенно не в состоянии.

– К их приходу Том уже отключился в кузове, – Лорна заговорила ледяным тоном, стараясь дистанцироваться от воспоминаний как можно дальше. – Вытащили меня с заднего сиденья. Я еще сообразить не успела, что происходит, как уже была на земле. Я отбивалась, но они на меня навалились. Стащили джинсы до колен, распахнули блузку...

– Лорна, тебе незачем в это вдаваться.

Она будто и не слышала.

– Я не могла их остановить. До сих пор помню смрадное дыхание этого скота, разящее перегаром. Его смех. Его руки, терзающие меня. Мне нужно было быть осторожнее, – голос ее надломился, она явственно дрожала.

– Они шакалы, – бросил Джек, отталкиваясь от вины, которую расслышал в голосе Лорны. – Наверное, шныряли в окрестностях этой импровизированной клиники регулярно. Накачанные лекарствами женщины становились легкой добычей. Кто же на них заявит? Эти женщины улизнули из дому ради тайного аборта в подпольной клинике. Их молчание практически гарантировано. Наверное, эти ублюдки накачали Тома дешевым самогоном, чтобы убрать его с дороги. Оставить тебя в одиночестве и беззащитную.

– Но я была не одна, – она обратила к нему глаза, блеснувшие в темноте.

Джек подросел как раз в это время, под визг шин остановив свой мотоцикл на парковке. Увидел, как они на опушке навалились на Лорну. В душе его вспыхнула кровожадная ярость. Он устремился к шайке, но держа ярость в узде расчета. Их трое против одного, так что нужно выбрать козла отпущения и так ему всыпать, чтобы двум другим неповадно было. Сорвав ублюдка с Лорны, Джек выворачивал ему руку, пока не хрустнула кость, вызвав вопль боли. А потом обрушился на него, совсем озверев, сломав ублюдку нос, скулу, выбив передние зубы.

Но все равно Джек соображал достаточно, чтобы велеть Лорне бежать, сесть в машину и уезжать. Он не знал, сколько их там еще и нет ли у них друзей, которые могут заявиться на шум драки.

И пока он дрался, Лорна медлила у пикапа, держась за ручку дверцы. Он думал, ее парализовало от страха.

– Да пошевеливайся, сука тупая! – гаркнул он. И до сих пор жалеет об этих словах – и из-за их жестокости, и из-за последствий, которые они повлекли.

Лорна запрыгнула в кабину и под рев двигателя погнала машину прочь. Избивая поверженного противника в кровавое месиво, Джек видел, как машина вильнула со стоянки на узкую дорогу, петляющую по байю. В тот момент он не знал, что брат в отключке лежит в открытом кузове пикапа. Правду он узнал лишь позже, после аварии. Лорна в темноте потеряла управление, не вписалась в поворот и врезалась в дерево.

Ее спасла подушка безопасности.

Тома нашли в полусотне футов от машины лицом в воде.

Лорна узнала затравленный взгляд Джека. После аварии она почти ничего не помнила. Следующие дни слились для нее в одно размытое пятно.

В конечном итоге последствия той ночи оказались типичными для луизианского правосудия. За закрытыми дверями заключили сделку. Ее обвинили в управлении транспортным средством в состоянии опьянения, хотя и вовсе не алкогольного, как все подумали после оглашения результатов токсикологической экспертизы тела Тома. У него уровень алкоголя в крови в четыре раза превысил допустимую норму. Ее же опьянение было наркотическим, под действием седативных препаратов, но эту подробность от прессы утаили, чтобы избавить ее родителей от дополнительного унижения.

Джеку также пришлось дать за закрытыми дверями показания, *почему* она была за рулем. Сам он в это время проходил по обвинению в причинении тяжких телесных повреждений.

Лорна застыдилась, что так и не узнала толком, чем это закончилось для него. Он просто исчез.

– И куда ты отправился? – наконец спросила она. – После суда?

– Человек, которого я побил, – со вздохом покачал он головой, – который напал на тебя, оказался из семьи со связями.

Лорна сидела как громом пораженная, пытаясь подогнать свое восприятие прошлого под его слова. Первоначальный шок сменился кипучим гневом.

– Постой. Я думала, его личность никому не известна.

Толком разглядеть нападавшего она не успела, а народ в захолустье как воды в рот набрал.

– Меня приперли к стенке, – промолвил Джек. – Теперь, оглядываясь, я понимаю, что они побоялись открыто преследовать меня по суду, потому что тогда выплыла бы на свет попытка изнасилования. Хотя в глубинке и смотрят на это преступление сквозь пальцы – дескать, мальчишки есть мальчишки, – проверять, так ли это, они не хотели. И потом, тебя ведь не изнасиловали, так зачем будить лихо?

Должно быть, Джек ощутил, как ее это задело.

– Это *их* слова, – растолковал он, – не мои. Так или иначе, до суда дело не дошло. Но отпустить меня просто так они тоже не могли. Его семья пользовалась влиянием, моя – нет. У нас издавна нелады с законом. Как ты можешь помнить, Рэнди уже закатали за нападение на полицейского. Делали завуалированные угрозы, что с ним разберутся, если я буду артачиться, если не буду держать язык за зубами. Так что мне предложили выбор – или в тюрьму, или в морпехи.

– Так ты поэтому ушел?

– Не было выбора, – Джек прятал от нее глаза. – И честно говоря, я ушел с радостью. Это же я погнал тебя прочь в пикапе, я приказал тебе уезжать. Как же я мог предстать перед своей семьей? А когда вернулся домой после второго срока, обнаружил, что легче промолчать об этом. Позволить мертвым покоиться с миром.

Лорна прекрасно это понимала. Даже в ее семье это дело больше никогда не обсуждали открыто. Если не говорить об этом, то это вроде и не случилось.

Они еще долго сидели в молчании, но оно уже не было ни тягостным, ни мучительным. Наконец его нарушил звук шагов.

К ним подошел заместитель Джека. Лорну уже познакомили с ним. Скотт Нестер родом из Арканзаса до сих пор растягивает слова на деревенский лад, но держится вполне профессионально.

– Сэр, мы до сих пор не смогли вызвать по радио никого с фермы. Как будем действовать? Я могу вызвать «вертушку», чтобы направилась туда.

Джек встал, снова принимая бремя ответственности, и от тепла и задушевности не осталось и следа.

– Ферму велели эвакуировать. Может, поэтому никто и не отвечает. Вы получили подтверждение, что они смотались?

– Я велел Кеслеру продолжать вызывать.

Судя по выражению лица Джека, он до сих пор прикидывает, не вызвать ли вертолет. Лорна сомневалась, что это хорошая идея. И подняла руку.

– От вертолета слишком много шума, свет прожекторов... если пантера поблизости, такой переполох может ее спугнуть. Мы рискуем упустить эту возможность.

Поразмыслив над советом, Джек сверился с часами.

– До фермы нам осталось еще пять минут. «Вертушка» доберется туда ненамного быстрее. И все же, Скотти, давай-ка вызови пилота. Пусть позаботится, чтобы двигатель стрекозки был прогрет. Нам не нужно...

Топот ботинок не дал ему договорить. Подбежал другой пограничник – судя по виду, едва вышедший из подросткового возраста.

– В чем дело, Кеслер? – обернулся к нему Джек.

– Сэр, только что поймал вызов с фермы. Связь очень плохая.

– Они эвакуировались?

– Нет, сэр. Не знаю, сэр.

Джек строго поглядел на него, взглядом приказывая успокоиться. Юноша порывисто передохнул.

– Сделав ряд вызовов, я наконец получил ответ. От местной ячейки бойскаутов. Согласно полученным сведениям, группа скаутов сегодня утром отправилась на ферму, чтобы пожить там лагерем неделю.

Сердце Лорны ушло в пятки.

– С тех пор от них ни слуху ни духу.

Глава 15

Стелла бросилась по мосткам в сторону лагеря. Детские крики, пронзительные и переливчатые, продолжались, но теперь к ним присоединились более низкие голоса вожатых и сопровождающих родителей.

Ее босые ноги шлепали по доскам, а следом тяжело бухали ботинки Гарленда Чейза, матерившегося почему зря, прижав рацию к уху.

– Давайте все в лагерь! – орал он.

Более проворная Стелла первой добралась до раскорчеванной в девственном лесу поляны. По лагерю были развешаны фонарики. Горело несколько костров. Площадку усеивали палатки разнообразных цветов и размеров – от старых армейских с распродажи военных излишков до затейливых походных шатров с тентами и тамбурами, купленных в местном магазине спорттоваров. Сверх того, повсюду виднелись груды байдарок, рыболовных снастей и спальных мешков, раскиданных, будто сброшенные змеиные шкуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.